Фривольные письма

Автор:
Пенелопа Киланд

Фривольные письма

Пенелопа Уорд

Ви Киланд

Modern Love

«Мы с Гриффином были друзьями по переписке, но с годами общение сошло на нет.

Боже, как он мне нравился! Найдя его последнее письмо, я вдруг рискнула возобновить контакт.

Наши «взрослые» письма очень быстро превратились из шутливых в пикантные. Но мы не стали обмениваться ни адресом, ни фото.

«Пусть все останется как есть», – подумала я, разглядывая его тайком, шпионя, как полная дура. Обалдеть, он стал рок-звездой! С таким парнем мне точно не место.

Вот только парень думает иначе. И кажется, он тоже подсматривает за мной…»

Ви Киланд, Пенелопа Уорд

Фривольные письма

Vi Keeland and Penelope Ward

DIRTY LETTERS

Copyright c 2019. DIRTY LETTERS by Vi Keeland & Penelope Ward

© Наумова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Всем, кто страдает от тревоги: вы не одиноки.

Глава 1

Лука

Эй, дружище, снова здорово.

Я толкнула тележку для покупок вперед вместо того, чтобы повернуть и пойти вдоль прохода, как собиралась. Но, сделав шаг-другой, я не смогла удержаться. Отойдя назад на достаточное расстояние, я спряталась за стеллажом и высунула из-за него голову, чтобы посмотреть на то, что происходит.

Женщина в крутых завитушках самого неестественного рыжего цвета положила дезодорант обратно на полку и схватила другой. Открыв крышку, она понюхала его, а затем, приподняв рубашку с одной стороны, провела дезодорантом у себя под мышкой, а потом под другой. Закрыв дезодорант, она секунду разглядывала полку, прежде чем выбрать другую марку. Она снова открыла крышку, понюхала

и мазнула себя под мышками. Я наблюдала, завороженная серьезностью ее действий, пока она не перепробовала шесть разных дезодорантов и пока продавец, наконец, не заметил, что она делает. Когда оба с воплями бросились по проходу, я подумала, что, пожалуй, получила сигнал к тому, чтобы пошевелить задницей и закончить покупки.

Несколько месяцев назад я видела, как мужчина перепробовал целую дюжину цыплят гриль. Он вскрывал пластиковую упаковку, отрывал ножку, откусывал от нее большой кусок, запихивал ножку обратно вглубь цыпленка и снова закрывал крышку. Когда я сказала об этом управляющему, он вздохнул и крикнул продавцу, чтобы тот пошел и позвал мистера Хаммонда. Покупкой продуктов в два часа ночи в круглосуточном супермаркете обычно склонны заниматься покупатели только одного типа. Я как раз к нему и относилась.

– Как сегодня дела, Лука? – спросила кассирша Дорис, когда я выкладывала продукты на ленту транспортера. Милая женщина, она работала в этом супермаркете с тех пор, как я начала заходить сюда примерно лет пять назад. Я знала, что у нее девять внуков, и десятый на подходе. За некоторыми из них она присматривала в течение дня и поэтому работала в ночную смену. Дорис также относилась к тем немногочисленным людям, которым я когда-либо говорила правду о том, почему я делаю покупки среди ночи за сорок миль[1 - 1 миля соответствует 1609 метрам. Здесь и далее – примечания переводчика.] от своего дома.

– Все хорошо.

Она отсканировала пакет черных лакричных конфет, за которым последовали две банки чипсов «Pringles» и две коробки шоколадных пирожных с орешками. Необычные для меня продукты, как я пояснила ей.

– Запасаюсь в дорогу, я не беременна.

Дорис вскинула брови.

– В дорогу? Должно быть, случилось что-то особенное, раз вы собрались отправиться в дальний путь на маленькой машине?

– Мне нужно убраться в отцовской квартире на Манхэттене.

– Он умер в прошлом году, верно?

Я кивнула. Я долго уклонялась от этого. Я скорее согласилась бы на пытку путем утопления, чем ступила на крохотный остров с населением в восемь с половиной миллионов человек. Не говоря уже о долгих часах стояния в пробках, которые придется пережить, чтобы добраться туда. Вот уж настоящая пытка.

Дорис нахмурилась.

– Вы не можете нанять кого-то для этой работы?

Я наняла кого-то. Но потом мое чувство вины в сочетании с советами доктора Максвелла, моего психотерапевта, подвигли меня к тому, чтобы сделать это самой. Но в конечном счете стресс, который я испытывала при мысли о том, сколько народа живет в Нью-Йорке, стоил мне бессонных ночей, и я опять обратилась в ту же компанию. Потом я отменила заказ. Снова. Затем наняла другую компанию, потому что слишком стеснялась нанимать ту же самую компанию в третий раз. И снова отменила заказ. Помыть. Смыть. Повторить. До тех пор пока у меня не осталось времени, ну, и теперь это намечено на завтра.

– Это дело, которым я должна заняться сама.

Дорис выглядела искренне обеспокоенной.

– Вы справитесь? Я – хороший штурман, если вам нужен друг, чтобы составить компанию.

Я улыбнулась.

– Спасибо, Дорис. Это очень великодушно с вашей стороны. Но у меня есть попутчик. Мы уезжаем завтра вечером, чтобы постараться избежать заторов на дорогах.

Дорис закончила сканировать мои продукты, и я провела картой по терминалу. Прежде чем уйти, я достала из тележки пакет черешни и пачку миланского печенья с темным шоколадом и, как обычно, положила на край кассы.

– Черешня для ваших внуков. Спрячьте миланское печенье от маленьких монстров.

Она поблагодарила меня.

– Счастливого пути, милая! Жду не дождусь, когда вы мне обо всем расскажете.

Да, я тоже. Поездка обещала быть чертовски интересной.

* * *

– Вы могли бы сильнее сосредоточиться на релаксации, если бы позволили мне вести машину, и, например, послушать записи с дыхательными упражнениями, которые я вам дал.

Я окинула взглядом помятый «Кадиллак» доктора Максвелла, припаркованный на моей подъездной дорожке. Этому мужчине вообще не следовало водить машину. Вообще, он служил лучшим примером того, почему людей старше определенного возраста следовало бы лишать водительских прав. Вряд ли мне удалось бы заняться релаксацией, если бы он сидел за рулем. Кроме того, он знал, что мне нужно постоянно контролировать себя, насколько позволяют мои возможности.

Я включила зажигание, и мой второй пилот в галстуке-бабочке поднес к глазам бинокль и уставился в окно. Пожалуй, мне нужен новый психотерапевт для того, чтобы подумать о том, стоило ли брать с собой в поездку теперешнего.

– Вы готовы, Док?

Он кивнул и не опустил бинокль.

– Никогда не бывал в Большом яблоке. Очень хочется посмотреть, какие птицы нам встретятся.

Я тряхнула головой.

– Голуби, Док! Крылатые крысы. Вот кого мы встретим.

Мы двинулись в семичасовую поездку из Вермонта на Манхэттен. Первые несколько часов прошли без происшествий до тех пор, пока мы не попали в автомобильную пробку. О нет, только не когда я за рулем. Страх надвигающейся панической атаки иногда становился почти таким же невыносимым, как сама атака. У меня часто забилось сердце, и я ощутила пустоту в голове. Иногда во время тяжелых приступов меня рвало, и мне не хотелось, чтобы это произошло, пока я еду по скоростному шоссе. Я приняла опрометчивое решение съехать на обочину, чтобы избежать ощущения, будто я зажата между неподвижно стоящими машинами. Громыхание колес по гравию вывело доктора Максвелла из дремотного состояния. Проснувшись, он схватился – вот черт! – за ручку над дверью.

– Что происходит? Что такое?

– Ничего. Просто мы попали в пробку. У меня участилось сердцебиение, и мне пришлось съехать на обочину.

Только Док мог испытать облегчение от того, что я только что сказала. Ослабив хватку, он произнес спокойным голосом:

– Отпустите руль, Лука.

Я посмотрела на свои руки. Костяшки пальцев побелели, а пальцы выглядели ярко-красными. Я поступила так, как он проинструктировал меня, потому что, хотя я, возможно, не доверила бы чокнутому доктору вести машину, он знал, как уберечь меня от панической атаки. Кивнув, я сказала:

– Я попробовала упражнение на дыхание. Оно явно не сработало.

– Скажите, что вы делаете в данный момент.

Сверкнув на него глазами, я перевела взгляд обратно на дорогу, так как продолжала ехать по обочине.

– Что я делаю? Веду машину.

– Нет. Скажите мне, что именно вы сумели сделать, когда почувствовали приближение паники.

– Я направилась к съезду?

Я не понимала, к чему он клонит.

– Верно. Вы съехали с одной дороги на другую, где чувствовали себя безопаснее. Вы можете это сделать. И также можете в любой момент съехать на обочину и остановиться, и выйти из машины, если почувствуете себя подобным образом.

Я кивнула. Разумеется, он был прав. Но он утверждал не только очевидное. Он напоминал мне о том, чтобы я держала ситуацию под контролем и приложила все силы к тому, чтобы удержать ее, когда почувствую, что это необходимо. Мое тревожное расстройство выражалось главным образом в непреодолимом страхе оказаться в западне. Поэтому я не выносила толпу, дорожных заторов, публичных шествий или тесных пространств, хотя спокойно могла прогуливаться за пределами большого города. То, что я контролировала себя, дабы не попасть в подобную ситуацию, помогало мне снизить уровень тревожности.

– Сделайте хороший, глубокий вдох, Лука.

Я вдохнула носом и медленно выдохнула через рот. По коже пробежал озноб, что меня явно успокоило. В преддверии панической атаки мое тело становилось вялым, лицо часто покрывалось потом, даже температура подскакивала. Озноб означал, что мое тело охлаждается.

– Расскажите мне о том свидании в субботу вечером.

Я поняла, что он хочет отвлечь меня, заставить мой мозг сконцентрироваться на чем-то другом, а не на приближении панической атаки, но я с ней справилась.

– Он привел… свою мать.

Доктор нахмурился.

– Свою мать?

– Ага. На пикник, который я устроила.

Пикники в парке, независимо от погоды, были моей излюбленной стратегией первого свидания. Они позволяли мне избегать многолюдных ресторанов и хотя бы сохранять осторожность. Либо так, либо у меня дома, а последний парень, которого я пригласила на ужин к себе домой, предположил, что мое приглашение означало секс на первом свидании.

– Какого черта он привел свою мать?

Я пожала плечами.

– Он посвятил ее в наши планы, а она сказала, что никогда не бывала в этом парке.

Вот что я получала за то, что честно рассказывала мужчинам о своих проблемах – меня считали странной. Но не страх заставлял меня скрывать, что я не могла ходить на свидания как обычная двадцатипятилетняя женщина. Меня не слишком волновало, что многие мужчины быстро исчезали, когда я рассказывала им о себе, используя такие слова, как агорафобия[2 - Агорафобия – патологическая боязнь публичных мест, толпы, открытых пространств.] и тревога. Что, в свою очередь, означало, что бассейн потенциальных свиданий нуждался в ведре хлорки.

Поняв, что наша беседа отвлекла меня и помогла подавить надвигавшуюся полноценную паническую атаку, я сказала:

– Кстати, спасибо. Мне уже намного лучше. Я только съеду на пустую парковку, выйду и сделаю несколько растяжек.

Док улыбнулся, зная, что йога была одним из моих собственных средств успокоения.

– Молодец, девочка!

Остальная часть поездки прошла почти спокойно – без лишних крюков, а Док болтал по сотовому телефону со своей подругой, сделав при этом такой громкий

звук, что мне было слышно, как она напомнила ему выписать рецепт на «Виагру». Я не спешила, так что мы прибыли на Манхэттен среди ночи, по возможности избегая интенсивного движения, и были счастливы, захватив парковочное место на улице, поскольку не шло и речи о том, чтобы заехать в гараж. Мой верный психотерапевт собирался остановиться в отеле, находившемся всего через полквартала от квартиры моего отца.

– Док. Просыпайтесь. Мы на месте.

Спросонья он выглядел смущенным, и я почувствовала себя неловко от того, что вообще прервала его сон.

– Что? А? Ох. Ладно. На месте. Да. Хорошо.

Я проводила его до отеля и немного подождала на улице, чтобы убедиться, что он зарегистрировался без проблем.

– Еще раз спасибо за то, что поехали со мной, Док. Позвоните мне, если надумаете утром позавтракать. Я понимаю, что сейчас слишком поздно, может быть, пообедаем вместе.

Док похлопал меня по плечу.

– Позвоните мне, если я вам понадоблюсь. В любое время, Лука. И сегодня вы отлично справились. Правда, отлично. Я горжусь вами.

Я поняла, что он говорит то, что думает.

Несмотря на то что я устала, проведя несколько часов за рулем, войдя в папину квартиру, я внезапно взбодрилась. Я чувствовала себя очень странно, когда расхаживала по жилищу моего отца, когда его там уже не было. Прошел год с тех пор, как он умер, хотя, глядя на его квартиру, вы этого не сказали бы. Миссис Каскио, папина соседка, раз в несколько дней наведывалась сюда, вынимала почту и вообще не давала дому зарасти паутиной.

Обойдя квартиру, я открыла окна, потому что свежий воздух помогал мне избавиться от ощущения того, что я попала в ловушку. На папиных книжных

полках по-прежнему стояли рядком фотографии; за пять лет после смерти мамы ни одна из них не покинула своего места. Я сняла с полки маленькую двойную серебряную рамку. С левой стороны была моя фотография в форме скаута, а справа – та, на которой я сижу на коленях у папы, наклонившись вперед и задувая свечи на торте в свой день рождения. Наверное, мне исполнялось лет шесть. Свадебную фотографию родителей обрамляла широкая рамка из слоновой кости. Я провела пальцем по маминой длинной фате. Мне всегда говорили, что я очень похожа на маму, но, подрастая, я не находила сходства. Впрочем, теперь я стала точной маминой копией. Было трудно поверить, что оба они умерли.

На небольшом обеденном столе лежала стопка почты. Папину почту пересылали мне, поэтому здесь были главным образом каталоги и всякая макулатура. Раз в месяц миссис Каскио отправляла мне всю приходящую почту, хотя я говорила ей, что в этом нет нужды. Я небрежно перебирала стопку, не ожидая найти там ничего стоящего, но наткнулась на конверт, адресованный мне, ну, нет, не мне, а Луке Райан. Давно я не слышала этого имени. Во втором классе миссис Райан, моя учительница, запустила программу дружеской переписки с маленьким городком в Англии. Для безопасности нам не разрешили подписываться своими настоящими фамилиями, поэтому весь класс воспользовался ее фамилией, с тех пор я стала Лукой Райан.

Я взглянула на обратный адрес, чтобы увидеть имя отправителя: Г. Куин

Неужели? Не может быть.

Я внимательно рассмотрела почтовую марку. На письме был указан абонентский ящик в Калифорнии, не в Англии, но я не знала никакого другого Куина, кроме Гриффина. И почерк показался мне довольно знакомым. Но прошло почти восемь лет с тех пор, как мы обменивались письмами. К чему бы ему теперь писать?

Я с любопытством разорвала конверт и сразу же взглянула на подпись. Сомневаться не приходилось, письмо пришло от Гриффина. Я начала читать с самого начала.

Дорогая Лука!

Ты любишь виски? Помню, ты говорила, что тебе не нравится вкус пива. Но мы с тобой так и не удосужились сравнить свои вкусы в плане крепких напитков. Почему, могла бы ты спросить. Позволь напомнить тебе – потому, что ты перестала отвечать на мои письма примерно восемь лет назад, черт побери.

Хочу, чтобы ты знала: меня по-прежнему бесит, что я долго помню обиды. Так всегда говорила моя мама. Но я предпочитаю думать, что я помню факты. А факт заключается в том, что ты – отстой. Да, я сказал это. Я долго держал это дерьмо в себе.

Не заблуждайся, я – не маньяк или что-то в этом роде. Я не сижу целыми днями дома, думая о тебе. На самом деле, долгие месяцы мне на ум не приходили даже мысли о тебе. Но потом в моей голове неожиданно всплыло воспоминание. Кажется, я увидел ребенка в детской коляске, который ел лакричную конфету, и я подумал о тебе. Кстати, я уже взрослым попробовал их снова и по-прежнему думаю, что на вкус они – как подошва от моих ботинок, то есть, возможно, поэтому ты не обладаешь никаким вкусом. Возможно, тебе также не нравится виски.

Как бы то ни было, я уверен, что это письмо не дойдет до тебя. Или, если каким-то чудом дойдет, ты не ответишь. Но если ты его прочтешь, то должна узнать две вещи.

1. Стоит потратиться на виски «Macallan 1926». Идет как по маслу.

2. Ты – ОТСТОЙ.

До скорого, предатель.

Гриффин

Какого черта?

Глава 2

Лука

Ты – отстой.

Ты – отстой.

Ты – отстой.

С тех пор как я распечатала это письмо, я не могла сосредоточиться ни на чем другом.

Когда я упаковала большую часть папиного барахла, мой ум наводнили мысли о мальчишке – ну, теперь уже мужчине, – который когда-то был близок мне и дорог моему сердцу.

Мое ментальное путешествие по волнам памяти прервало сообщение.

Док: Могу поклясться, что только что видел в Центральном парке синицу.

Синицу?

Лука: Что?

Док: Евразийскую голубую синицу, лазоревку. Одну из самых изящных птиц этого семейства.

Лука: А, вы наблюдаете за птицами. Мне следовало бы знать об этом.

Док: Это неперелетная птица, обнаруженная за океаном, то есть, возможно, это не она. Но если это не синица, тогда кто? В последний раз я видел такую в Англии.

То, что он упомянул Англию, звучало странно – почти так же странно, как сигнал из космоса, пришедший с письмом Гриффина. Хотя формально письмо прислали из Калифорнии. Мне действительно нужно было глотнуть свежего воздуха и поговорить об этом с Доком. Никогда прежде я не рассказывала ему о Гриффине.

Лука: Мне нужно кое о чем поговорить с вами. Не могли бы вы зайти ко мне?

Док: Думаю, проветриться вам было бы полезно.

Я вздохнула, понимая, что он прав. Впрочем, мне нужно было убедиться, что он находится не в многолюдном месте.

Лука: В парке сейчас много народа?

Док: Нет. В любом случае не там, где я сейчас сижу.

Лука: Хорошо. Не могли бы вы сообщить мне, где именно я могу вас найти?

* * *

Когда я подошла к статуе сокольничего в Центральном парке, Док сидел на скамейке. Его бинокль смотрел в небо, и когда он опустил его до уровня глаз, то подпрыгнул, словно я напугала его.

– Что же, похоже, вы нашли свое тотемное животное, – поддразнила я. – Полагаю, пошел слух, что в городе находится самый большой любитель птиц, который когда-либо посещал Нью-Йорк.

– Надеюсь. Это все хлеб. Чтобы привлечь их внимание, много не нужно. Беда в том, что они не понимают, когда корм заканчивается. Вы тут же поймете, что попали в фильм Альфреда Хичкока. – Повернувшись ко мне, он вгляделся в мое лицо. – Что происходит, Лука? Кажется, вы выглядите встревоженной. Вас что-то

сильно беспокоит?

– Нет, дело не в этом.

– У вас стресс после упаковки вещей? Вам нужна моя помощь?

– Нет. В этом смысле я довольно успешно поработала. – Я аккуратно открыла кофе, только что купленный в закусочной на колесах, на углу, и подула на него. – Впрочем, случилось кое-что еще.

– Что же?

Сделав глоток кофе, я кивнула.

– Я получила нежданное письмо от одного старого друга по переписке. Его зовут Гриффин. Письмо лежало в стопке почты, которая обычно пересылалась мне в Вермонт.

– Что же вас беспокоит в этом письме?

– Впервые за много лет я получила весточку от него, и она оказалась слегка… раздражающей… язвительной. В общем, он сказал, что я – отстой. Меня это задело, потому что… отчасти он прав. Честно говоря, я никогда не объясняла ему, почему восемь лет назад перестала отвечать на его письма.

Док с понимающим видом ненадолго прикрыл глаза, видимо, точно зная, куда я клоню.

– Восемь лет назад… пожар.

Я просто кивнула.

Восемь лет назад изменилась вся моя жизнь.

В семнадцать лет я была обычным подростком. Проводила пятничные вечера на заполненных до отказа открытых трибунах, наблюдая за тем, как мой приятель,

капитан футбольной команды, забивает тачдауны, ходила в торгово-развлекательный центр с друзьями, посещала концерты. В то время я даже не могла бы сказать, что такое агорафобия. Я не боялась ничего на свете.

Та моя жизнь, которую я знала, закончилась четвертого июля, в выпускном классе. Предполагалось, что меня ожидает сказочное лето, но вместо этого оно стало моим самым страшным ночным кошмаром.

Мы с моей лучшей подругой Изабеллой приехали в Нью-Джерси послушать нашу любимую группу The Steel Brothers, когда в двух шагах от места, где проходил концерт, на крышу попали несколько горящих петард фейерверка. Начался пожар, охвативший все здание, и больше сотни человек, включая Изабеллу, погибло. Я осталась жива только потому, что в этот момент стояла в очереди в фойе первого этажа – в стороне от очага пожара.

– Ну, вы знаете, как долго меня мучило чувство, будто я не вправе жить, если Иззи умерла, – сказала я. – Если бы она пошла купить газировки, то осталась бы жива. В то время мое психическое состояние было настолько тяжелым, что некоторое время я не позволяла себе радоваться всем тем вещам, которые делали меня счастливой. Одной из них была переписка с Гриффином. Он жил в Англии, и мы переписывались со второго класса – целое десятилетие. С течением времени мы стали не просто друзьями по переписке. Мы доверяли друг другу. Когда произошел несчастный случай… я просто перестала писать ему, Док. Я замкнулась в себе и прекратила отвечать. Я позволила умереть нашей дружбе, как позволила умереть в себе всему остальному.

Вскоре я начала избегать многолюдных мест, а спустя годы мои страхи только возросли. Теперь, в двадцать пять лет, у меня длинный список фобий. Единственное преимущество моего затворничества заключается в том, что оно обеспечивает мне бесконечные часы одиночества, давая возможность писать. Мой самый первый роман, который я опубликовала на собственные средства, в конечном счете пару лет назад стал пользоваться большой популярностью, и, прежде чем я узнала об этом, я написала три детективных бестселлера под именем Райан Гриффин и заключила контракт с крупным издательством.

– Вы сказали, что его зовут Гриффин? Это не ваш…

– Да. Райан – это фамилия моей учительницы, которой я подписывала письма к нему. А Гриффин – от того Гриффина.

Док был заинтригован:

– Это очень интересно, Лука.

Давненько я не снабжала Дока материалом для оценки и анализа.

Примерно в то время, когда мои книги начали хорошо продаваться, я поняла, что хочу взять на себя ответственность не только за собственную карьеру, но и за жизнь. Именно тогда я нашла доктора Максвелла, который продолжал иногда работать, выйдя на пенсию, и был единственным мозгоправом в Вермонте, выезжавшим на дом к страдающим агорафобией. Я в то время не знала, что Док даже эксцентричнее меня, и, разумеется, в конечном счете он стал моим лучшим другом. Я знаю, что у нас сложились крайне странные отношения пациента с клиентом, но с нами это сработало. В результате мое обсаженное деревьями владение стало прибежищем для любителя птиц.

– Когда в последний раз до этого Гриффин писал вам? – спросил он.

– В первый год после того, как я перестала отвечать, он писал несколько раз, прежде чем окончательно отчаялся получить от меня письмо. Я тогда жила просто в оцепенении. А к тому времени, когда я поняла, что наделала – что навредила тому, чем дорожила больше всего в жизни, – мне было слишком стыдно написать ему ответ. – Я вздохнула, признав горькую правду. – Во многих отношениях потеря Гриффина стала наказанием, которое я сама назначила себе за то, что выжила после пожара.

Док на минуту отвернулся, переваривая услышанное.

– Что же, ваш литературный псевдоним очевидно свидетельствует о том, что вы, в той или иной мере, цеплялись за Гриффина.

– Безусловно. Я никогда не забывала его. Только я не думала, что когда-либо снова услышу о нем. Я поражена. Впрочем, я даже не могу винить его за высокомерие. В его глазах я заслуживаю этого. Он не знает, что произошло на

самом деле.

– Что вас удерживает от того, чтобы объясниться сейчас? Если бы вы написали ему ответ, это наверняка пошло бы вам на пользу. И давно пора.

– Он ненавидит меня, Док.

– Он не ненавидит вас. Он не написал бы спустя столько лет, если бы продолжал испытывать чувство ненависти. Ясно, что он все еще не забыл вас. Возможно, он сердится. Но вы не позволите себе поддаться гневу в ответ, во всяком случае, если его слова вас взволновали в какой-то степени.

Я знала, что когда-то волновала Гриффина, как и он меня. Возможно, я ни о чем в жизни не сожалела так, как о прекращении нашего общения. Ну, кроме того, что во время концерта я предложила сходить за газировкой.

Когда в памяти всплыли обрывочные воспоминания о Гриффине, я невольно усмехнулась.

– Он был таким веселым. Мне всегда казалось, что я могу рассказать ему обо всем. Но странно, хотя он не знал моего настоящего имени – и, наоборот, – в то время он, вероятно, знал меня настоящую лучше, чем кто бы то ни было. Ну, он знал, каким человеком я была.

– Вы все та же, Лука. Просто чуть более… – Он колебался.

– Ненормальная?

– Нет.

– Чокнутая?

– Я хотел сказать – уязвимая.

Док переключил свое внимание на птицу, опустившуюся на скамейку напротив нас, и незамедлительно поднес к глазам бинокль.

– Красный кардинал. – Он повернулся ко мне. – Знаете, что говорят о кардиналах?

– Что?

– Они – посланники наших умерших любимых. Может быть, Лука, вам захочется поразмыслить над тем, что наш маленький красный друг пытается сказать вам в эту самую секунду?

* * *

До того как снова отправиться в длинный обратный путь, мы провели в Нью-Йорке пять дней.

Входя после столь долгого отсутствия в любимый вермонтский дом – свою спасительную гавань, – я испытала большое облегчение.

Я забрала свою питомицу, свинку Гортензию, у местного фермера, согласившегося присмотреть за ней. Как получается, что девушка-домоседка завела себе домашнюю свинку? Что же. Пару лет назад на придорожной ферме неподалеку от моего дома случился пожар. Слухи о том, что животные погибли, естественно, подстегнули мои страхи. Док подумал, что для воздействия на мою психику было бы неплохо посетить место пожарища. Когда я пришла туда, я узнала, что погибли не все животные. Некоторые из них все еще оставались там и ютились во временном сарае. Посмотрев в глаза свинки, я буквально увидела саму себя: грустное, одинокое создание. Вероятно, она тоже потеряла лучшего друга. Поэтому я сделала то, что сделал бы любой другой человек, нашедший родственную душу, – я забрала ее домой. С тех самых пор Гортензия стала для меня кем-то вроде избалованного ребенка. Поскольку я никогда не планировала иметь детей, то решила, что мне сойдет с рук такое обращение со свинкой.

Когда я попыталась вернуться к привычной домашней рутине, письмо Гриффина не выходило у меня из головы.

Ты – отстой.

Ты – отстой.

Ты – отстой.

Он никогда не стеснялся в выражениях, но спустя столько времени его слова звучали оскорбительно.

Казалось, я должна была бы разрыдаться из-за этого, но я больше не могла плакать. Действительно, Док часто подшучивал над тем, что я не способна выдавить из себя ни слезинки. Он старался помочь мне попробовать поплакать, чтобы выпустить мою боль наружу, но я так и не смогла – ни разу после несчастного случая. Даже когда умер мой отец.

Отправившись на цокольный этаж, я приступила к поискам завернутого в пластик контейнера, куда сложила письма Гриффина – я все их сохранила.

Возможно, я могла бы каким-то образом восстановить связь с ним, перечитав пару писем, что помогло бы мне решить, нужно ли мне написать ему. Ответив на его грубое письмо, я могла бы открыть ящик Пандоры. Может, лучше уж не будить спящую собаку, сохранив в целом приятные воспоминания о друге юности? Я предполагала, что мой ответ мог бы принести мне столь желанное чувство завершенности, даже если Гриффин никогда больше не ответит мне.

Открыв контейнер, я с закрытыми глазами достала один конверт. Мне не хотелось обманывать судьбу, выбирая какое-то определенное письмо. Я просто взяла его наугад.

Посмотрев на дату, я поняла, что это одно из старых писем, написанное, когда нам было, вероятно, лет по десять.

Дорогая Лука!

Как ты поживаешь?

Мне было грустно, потому что мама и папа разводятся. Они сказали, что я в этом не виноват.

Как твое танцевальное выступление? Тебе подарили потом цветы, как ты хотела? Я бы послал тебе их, если бы у меня были деньги. Посылка в Америку стоит кучу денег.

Я написал тебе песню. Она начинается вот так:

Лука, Лука, Лука,

Я хочу купить тебе базуку.

Я еще не закончил. Подыскиваю другие слова, которые рифмуются с Лукой.

До скорого, приятель,

Гриф

Прижав письмо к груди, я подумала о том, каким представляла себе этого мальчика. Где-то в коробке валялась единственная фотография, которую он прислал мне. Нам было лет по двенадцать, когда мы нарушили неписаные правила и обменялись фотографиями. Я выбрала ту, на которой сфотографирована с макияжем, в платье для танцевального конкурса и в туфлях для чечетки. Он прислал мне снимок, где он стоит перед каким-то лондонским зданием. В том возрасте я только начала увлекаться мальчиками. Помнится, я удивилась, узнав, что Гриффин, у которого были большие карие глаза и темные волосы, и в самом деле милашка.

Я никогда не забывала о том, что он написал мне, получив мою фотографию.

Переверни письмо обратной стороной, чтобы узнать, как я отреагировал на твою фотографию.

А когда я перевернула фото, там было написано:

Круто, Лука. Ты просто красавица!

Не думаю, чтобы я когда-нибудь в жизни краснела сильнее. Тогда мне впервые пришло в голову, что, возможно, мои чувства к Гриффину более чем просто

платонические. Конечно, я загнала эту мысль подальше, потому что мне казалось, что вряд ли что-то может произойти, учитывая расстояние между нами. Впрочем, только расстояние помогало нам открываться друг перед другом.

Вспомнив слова этого милого юного Гриффина и сравнив их с резкими строками, прочитанными неделю назад, я с трудом сглотнула несколько раз. Все еще не решив, стоит ли связываться с ним, я вытащила другое письмо.

Оно, как указывала дата, относилось ко времени, когда нам было примерно по пятнадцать или шестнадцать.

Дорогая Лука!

Я собираюсь поделиться с тобой одним секретом. Не верь парням. Никогда не верь. Мы говорим вам все что угодно, лишь бы залезть к вам в трусы. А когда нам это удается, мы срываем их – буквально – всего за пару секунд.

Ладно… ты можешь верить мне, но не другим парням. (И это лишь потому, что я далеко и все равно не могу предпринять никакой попытки, иначе мне тоже нельзя было бы верить.)

Как бы то ни было… у меня был секс. Полагаю, ты, возможно, уже догадалась.

Это было приятно, но не так здорово, как я думал. Честно говоря, получилось немного неловко и как-то быстро. Ты еще не делала этого, верно? Надеюсь, что ты ответишь «нет». Лучше пусть будет «нет», Лука. Если «да», не говори мне. Я не выдержу, узнав об этом. (На самом деле, я хочу, чтобы ты рассказала мне. Только, прежде чем ты это сделаешь, мне, возможно, придется спереть у отца немного виски.)

Маме лучше. Спасибо за то, что ты спросила. Говорят, что рак не распространился выше яичников. То есть это хорошо. (Это хорошо, правда?) Тебе что-нибудь известно о раке яичников? Мне нужно, чтобы ты сказала мне, что все будет нормально. Я бы поверил, если бы услышал это от тебя. Думаю, мне просто необходимо это услышать. Потому что я не могу потерять маму.

Постарайся не затягивать с ответом. Весточки от тебя всегда повышают мне настроение.

До скорого, приятель.

Гриф.

Вздохнув, я вложила письмо в конверт. Столько чувства!

Ладно, может быть, еще одно.

Взяв следующее письмо, я открыла его и прочитала.

Дорогая Лука!

Послушай меня. Если есть нечто, что я когда-либо говорил тебе и чему ты искренне верила, то поверь вот чему: один раз солгал – навек лгуном стал. Откуда мне это известно? Таков мой чертов отец, вот так-то! Я из семьи лгунов.

Поэтому, если ты хочешь, чтобы тебя снова обманули, оставайся с тем проклятым лузером, с которым ты встречаешься.

Ты слышишь меня? Это я кричу тебе как оглашенный из Англии! НЕ давай этому засранцу ни единого шанса. Мне плевать, что ему жаль, как он говорит.

Он не достоин тебя, Лука. Не достоин.

Ему повезло, что между нами с тобой – океан, потому что я бы разбил ему морду за то, что он тебя обидел. Меня посадили бы в тюрьму, и тогда мои письма приходили бы с пометкой о том, что они посланы из исправительного учреждения.

Ты скажешь, что я – сумасшедший? Потому что я, черт возьми, сумасшедший.

В любом случае (теперь, когда я сказал тебе об этом), что еще у тебя нового?

На самом деле, у меня есть кое-что новенькое. Я присоединился к музыкальной группе. В ней – парни из нашей школы. Не смейся, это что-то вроде бойбэнда. За исключением того, что я круче Гарри Стайлса[3 - Гарри Стайлс (р. 1995) – британский певец и актер, получивший известность в составе группы «One Direction».]. Но ты, наверное, не знаешь об этом, потому что не видела моих последних фотографий. Не обменяться ли нам ими в ближайшее время? Ты покажешь мне свои, а я покажу тебе что-нибудь из своих? Я шучу. И не настаиваю. Просто пища для размышлений. Я знаю, что тебе нравится хранить тайну. А я из тех, кому это тоже нравится. (Но, для справки, если бы у меня был выбор, я бы хотел посмотреть, какой ты теперь стала.)

Ответь поскорее.

До скорого.

Гриф.

P.S. У меня до сих пор руки чешутся.

Закрыв глаза, я улыбнулась и вспомнила, что в коробке лежит письмо, которое я не прочитала, последнее из тех, что приходили почти целый год после того, как я оборвала нашу переписку. К тому времени мне стало очень стыдно из-за того, что я долго не отвечала Гриффину, я даже не могла читать, что он мне писал. Тогда я еще не знала, что это его письмо станет последним.

Я пролистала всю стопку в поисках нераспечатанного письма, пока не отыскала его. Я понимала, что в нем окажется мало приятного, но все равно открыла его.

Ничто не смогло бы подготовить меня к тому, что я обнаружила внутри. Ничто.

Лука!

Ты заметила, что я опустил «дорогая»? Ты мне больше не дорогая. Потому что ты, черт возьми, перестала отвечать на мои письма. Лучше бы ты умерла.

Больше мне нечего тебе сказать.

Подожди. Я так не думаю. Я никогда не пожелал бы тебе смерти. Никогда. Просто я в ужасном смятении. Я пишу, чтобы сказать тебе, что это последнее письмо, которое ты когда-либо получишь от меня.

Проклятье, мне стыдно, потому что сейчас мне очень нужен был бы друг, Лука.

Мама умерла.

Не могу поверить, что даже пишу об этом.

Два месяца назад оказалось, что рак вернулся и разросся. Потом все произошло очень быстро.

Моя мама УМЕРЛА, Лука.

Она скончалась.

Больше ничего прочесть не получилось, потому что чернила расплылись от слез Гриффина.

Неожиданно у меня бесконечным потоком полились слезы, на которые, как я считала, я была уже неспособна.

Прошло, должно быть, не меньше часа, пока я не успокоилась. Я не плакала с тех пор, как во время пожара погибла Изабелла, и думала, что мои слезы иссякли навсегда. Видимо, с тех пор просто ничто не трогало меня до слез.

Он потерял мать, а я даже не знала!

Безусловно, теперь я отогнала от себя тень сомнения, решив, что должна написать ему. Я была обязана объяснить ему, что произошло и почему я перестала писать.

Даже если Гриффин продолжит ненавидеть меня, он, по меньшей мере, заслуживает моих извинений.

Больше ждать было нельзя.

Я понимала, что всю ночь буду изливать ему свою душу.

Только я надеялась, что он сможет простить меня.

Глава 3

Лука

Прошло две недели с тех пор, как я отправила письмо. Ну, оно, скорее, походило на книгу – толщиной в несколько страниц. Я подробно рассказала Гриффину о пожаре и моем эмоциональном состоянии после смерти Иззи, извинилась за то, что не знала о смерти его матери, убедительно написала, что я только недавно, после смерти отца, распечатала последнее письмо. Я рассказала ему о своих тревогах, подробно объяснив, что такое агорафобия и почему нет единого мнения относительно того, психическое ли это расстройство или нет. Мне хотелось, чтобы он понял, что я не совсем затворница, люблю бывать на воздухе и могу вступать в близкие отношения. Честно? Я даже не могла бы сказать, о чем еще написала. Всю ночь я не смыкала глаз, пока не облегчила в письме душу до конца. Мне казалось, что я пишу не тому парню, который назвал меня отстоем. Я писала Гриффину, оставшемуся, как я надеялась, тем же человеком, который так сильно волновал меня когда-то.

Обычно я дважды в неделю заходила на почту, когда там бывало мало народа, и проверяла свой абонентский ящик, который использовала для писем читателей. Однако через неделю после того, как я отправила в Англию письмо, я поймала себя на том, что проверяю почту ежедневно во второй половине дня.

Несколько дней от Гриффина не было ничего. В конце второй недели из стопки пришедших писем выпал ярко-красный конверт. В обратном адресе значилось имя: Гриффин Куин.

У меня задрожали руки. Не разорвать ли конверт и не прочитать ли письмо здесь? Смогу ли дождаться, пока доеду до дома?

Я решила, что не стоит знакомиться с потенциально огорчительными новостями в публичном месте. Не дай бог, упаду в обморок и очнусь в окружении собравшейся вокруг меня толпы, или случится еще что-нибудь в таком же роде. От этой мысли меня пробрал озноб.

Я решила поскорее отправиться в путь.

Дома я очень быстро покормила Гортензию, чтобы она чувствовала себя довольной и спокойной, пока я стану читать.

Поудобнее устроившись на диване, я аккуратно распечатала письмо, чувствуя, как сильно колотится мое сердце.

Дорогая Лука!

Я – отстой.

Ты все еще отыскиваешь ежедневно по одному слову в словаре, чтобы запомнить его, как ты обычно делала? Ладно, на тот случай, если до этого ты еще не дошла, окажи мне эту честь.

Эгоцентричный

прилагательное

1. сосредоточенный на собственных чувствах, интересах или ситуации;

2. друг, которому на тебя насрать, потому что он ни на минуту не задумался о том, что, возможно, у его лучшей подруги была причина для того, чтобы прекратить переписку.

Улыбнувшись, я взглянула на старый потрепанный словарь Вебстера издания 1993 года, лежавший на уголке моего рабочего стола. В нем было 470 000 слов. Переплет был заклеен несколькими слоями скотча после долгих лет использования. С тех пор как мне исполнилось четыре года и я научилась читать, каждое утро я открывала страницу наугад, закрывала глаза и тыкала пальцем в любое слово на странице, стараясь запомнить его. Я подчеркивала слова, которые сохранила в своей памяти, отчего старая книга пожелтела. Хотя, по моим подсчетам, мне нужно было прожить до 1288 лет для того, чтобы закончить со всеми словами, я не оставляла своей привычки.

Мне понравилось, что Гриффин помнил о моем детском хобби, о котором знали всего четыре человека. Я ощутила тяжесть в груди, когда поняла, что теперь из них остался только он один – мама, папа и Иззи ушли в мир иной. Даже Док не знал о словаре. Не то чтобы я скрывала или что-нибудь в этом роде – просто как-то повода не возникало рассказать.

Я вернулась к чтению, испытывая некоторую тревогу.

Однако мне очень жаль, что с тобой все это произошло, Лука. Еще больше мне жаль, что меня не было рядом, когда это случилось. Я потерял маму, и она тоже была слишком молода для того, чтобы умереть, но родителей мы все теряем. Мы не должны хоронить своих друзей, будучи подростками. Тем более так, как ты потеряла Иззи. Господи, мое письмо было чертовски бесчувственным. Это не извинение, но мне пришлось выпить лишнего, когда я писал его. Как ты думаешь, мы можем начать заново? Как насчет того, чтобы попробовать? Да? Это любезно с твоей стороны. Ладно. Я напишу первым.

Дорогая Лука!

Привет! Как много времени прошло. Я много думал о тебе все эти годы и гадал, что с тобой сталось. Почему-то в последнее время эти мысли стали приходить ко мне чаще. Очень плохо, что мы потеряли связь. Вероятно, по моей вине. Как бы то ни было, я расскажу тебе о своей жизни. Четыре года назад я переехал в Штаты. По-прежнему бренчу на гитаре – моя музыкальная карьера сложилась… интересно. Она оказалась не такой, как я думал, но на жизнь хватает. Не женат, детей у меня нет. Некоторое время у меня была девушка.

Теперь – нет. Мне нравится Тихий океан. Купил доску для серфинга. У меня хреново получается, но я плыву, чтобы как можно чаще спасаться от жизни.

Итак… агорафобия, да?

В своем роде крутое словцо. Думаю, сколько очков можно заработать, играя в «Скрабл»? Г, Б, Ф и Я, каждая буква стоит кучу очков. Но, постой… я не хочу, чтобы ты подумала, что я – странный тип и все время сижу и играю в «Скрабл». Опять же, ты ведь не подумаешь, что это странно – ты сама заучиваешь чертов словарь. Спокойная игра, возможно, пришлась бы тебе как раз кстати. Может быть, игра на пару? Три человека в комнате растревожили бы тебя? Или же есть число, которое доводит тебя до грани? Может быть, семнадцать? Это много. Подождем еще, чтобы однажды сыграть в «Скрабл», в этом я не сомневаюсь.

Очень плохо, что у тебя нет агризофобии. (Страх диких животных, просто на тот случай, если ты еще не наткнулась на нее в словаре, если нет, то ты копуша.) Это дало бы тебе дополнительные очки.

Может быть, в следующий раз. Я имею в виду, некоторые дикие животные ужасно пугливы.

До скорого, приятель.

Гриф.

P.S. Судя по твоему письму, с тобой что-то не так… или, по крайней мере, все, что ты думаешь, не вяжется с тобой. В следующем письме назови мне три вещи, которыми ты гордишься.

P.P.S. Я соврал. Ты всегда была дорога мне.

P.P.P.S. Я очень сожалею о твоей потере, Лука.

* * *

– Итак, позвольте мне прояснить ситуацию: он указал вам на ваше состояние, и именно это вам в нем понравилось?

Замолчав, Док поднес палец к губам, призывая меня к безмолвию, хотя только что задал мне вопрос. Наши психотерапевтические сеансы определенно носили необычный характер. Дважды в неделю мы по нескольку часов гуляли в лесу и разговаривали, пока он наблюдал за птицами. Он принес с собой записную книжку, но в основном делал в ней заметки о птицах, которых видел, не записывая ничего из моих слов.

– Да. Я знаю, что это странно. Но, на самом деле, он не подкалывал меня. То есть подкалывал, но нет. Это мне всегда нравилось в наших отношениях. Он всегда писал искренне, а его шутки никогда не бывали подлыми. Скорее, так он показывал мне, что все мои навязчивые идеи ничего не стоят. Например, когда в семнадцать лет я все еще оставалась девственницей, я написала ему о своих переживаниях. Ведь когда я наконец сделаю это, все вокруг будут опытнее меня, и я стану выглядеть неуклюжей неумехой. Тогда он сочинил дурацкую песню под названием «Уламывая девственницу». Таким способом он успокаивал меня, высмеивал мои страхи.

– Хм-мм, – произнес Док.

Я подумала, что его ответ касается наблюдения за птицами, а не моего бормотания. Но, взглянув на него, я увидела, что он даже не поднес к глазам бинокль.

– Что «хм-м»?

– Что ж, вы уволили своего прежнего литературного агента потому, что она позволяла себе подшучивать над вашим состоянием, хотя она всегда говорила, что шутит. Но вы никогда не были уверены в истинной природе ее подтрунивания. Однако, когда это касается Гриффина, мужчины, с которым вы никогда не встречались, вы способны принять его насмешки как безобидные и почти успокаивающие. Создается впечатление, что вы очень доверяли своему другу по переписке.

Я задумалась над его словами.

– Я действительно доверяю ему. Пускай мы никогда не встречались, я считала его одним из самых близких друзей, которые когда-либо у меня были. Мы многим делились за долгие годы. Он жил в Англии, поэтому у нас не было ни малейшего шанса столкнуться в школьном коридоре. И это помогало разрушить обычные стены, выстраиваемые детьми для самозащиты. Мы были очень близки. Даже в довольно интимных вещах.

– И, однако, после пожара вы порвали отношения с ним.

– Я говорила вам, что тогда была склонна к саморазрушению. Мне казалось очень нечестным, что я все еще жива, а Иззи – нет. Я не впускала в свою жизнь ничего, что могло бы сделать меня счастливой. И думаю, что отчасти стыдилась рассказывать ему о том, что произошло. Теперь я понимаю, как все это было глупо, но я испытывала стыд и вину из-за того, что не спасла Иззи.

Некоторое время мы с Доком шли молча. Потом он остановился и уставился в бинокль. Глядя вдаль, он заговорил со мной.

– Позволить ему вернуться в вашу жизнь может оказаться полезным по многим причинам. Во-первых, ваши отношения с ним переплетаются с тем периодом вашей жизни, который принес вам очень много печали и горя. Вы постоянно устранялись почти от всего, что было связано с тем временем – от жизни в Нью-Йорке, увлечения музыкой, толпы, сборищ… Также очень печально, что ваши родители умерли. Получается, вам несложно постоянно делать вид, что той части вашей жизни не существовало. Но она существовала, и, пока мы что-то отталкиваем от себя, мы не хотим думать о том, что хранится в потайных уголках нашей души, единственный способ вычеркнуть это из памяти – со всем разобраться. Гриффин – часть вашей прежней жизни, которую вы пытаетесь похоронить. Разобраться с этими отношениями – значит сделать шаг к тому, чтобы двигаться вперед.

Я кивнула. Это имело смысл.

– Каковы другие причины?

Док подрегулировал бинокль.

– Хм-мм?

– Вы сказали, что позволить Гриффину вернуться в мою жизнь было бы полезно по многим причинам. Но назвали мне только одну.

– Ох. Да. Принятие. Чем большему числу людей вы поведаете о своем состоянии, тем меньше вы будете бояться реакции посторонних и тем прочнее станет ваша система поддержки.

– Я думаю…

– Кроме того, есть еще коитус.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Что?

– Коитус, как вы понимаете, это гармония мужских и женских гениталий. Прошло много времени с тех пор, как у вас был мужчина.

О боже!

– Х-мм… Да. Я поняла. Только давайте не будем спешить.

* * *

Однажды я написала за день 14 331 слово. Это был самый продуктивный день в моей писательской жизни. Хотя в среднем мой ежедневный объем не превышал порядка 2000 слов. Однако мне понадобилось полдня для того, чтобы написать несколько сотен слов Гриффину. Не так просто было ответить на заданный им вопрос.

Дорогой Гриффин!

Образно говоря, я истекала кровью, исписав десять страниц и рассказав тебе о своих несчастьях и горестях. Однако ты задал мне простой вопрос – какими

тремя вещами я горжусь больше всего, – и я почти целый час сидела, уставившись в чистый лист бумаги. Первое, о чем я хочу рассказать тебе, проще всего.

Моя работа. Я горжусь книгами, которые написала. Полагаю, в своем первом унылом письме я забыла упомянуть о том, что моя мечта сбылась: я – писатель, Гриф! Четыре года тому назад мой дебютный криминальный роман стал бестселлером New York Times. С тех пор я опубликовала еще три книги и сейчас занимаюсь изданием пятой.

Второе сформулировать не так просто. Но, думаю, я очень горжусь тем, что после смерти Иззи попросила о помощи. Это заняло у меня больше времени, чем, вероятно, следовало бы, но я сама нашла психотерапевта и работаю над тем, чтобы посмотреть в лицо своим страхам. Труднее всего, с чем мне когда-либо приходилось сталкиваться, было взять в руки телефон и назначить первую консультацию. Возможно, это покажется глупым, но в самый первый раз мне было сложно даже объяснить по телефону свою проблему. Я пока не справилась, но иду к этой цели, и горжусь этим.

Боже, как это тяжело. Почему ты спросил о трех вещах? Я понимаю, что похвастаться мне нечем. Но меньше всего я горжусь тем, чем занимаюсь так часто, как только могу, – полагаю, я писала о том, что от случая к случаю совершаю добрые поступки. Например, несколько раз я платила за продукты какого-нибудь незнакомца, стоявшего рядом со мной. Или в очень холодный день иногда приносила горячий шоколад школьным охранникам – они, не сходя с места, стоят на холоде. Я знаю, что в этом нет ничего удивительного, но я рада, что делаю это. Раз в месяц я провожу день, готовя кучу разных блюд, а потом оставляю их у дома мистера Фенли. Это мой сосед, который в прошлом году потерял жену, и ему явно не хватает ее домашней стряпни.

Ладно, хватит обо мне. Теперь моя очередь выбрать вопрос и задать его тебе.

Расскажи мне о трех вещах, которых ты боишься больше всего.

Лука,

Твоя любимая подруга по переписке.

P.S. Я люблю письма, написанные от руки, но если тебе удобнее электронная почта, мы можем обмениваться сообщениями и таким образом.

P.P.S. Мне хотелось бы обменяться более свежими фотографиями. Я покажу тебе свою, если ты покажешь мне свои:)

P.P.P.S. Агризофобия дает много очков без бонусов. Но логизомеханофобия[4 - Логизомеханофобия – боязнь компьютеров.] дает еще больше.

Я подумала, не вложить ли мне в конверт свою фотографию, но в конце концов решила пока этого не делать. Мы больше не дети, и правила миссис Райан не работали. Но когда фотографиями обмениваются взрослые люди, это почему-то походит на серьезный шаг. Тем более теперь, когда Гриффин живет здесь, в Штатах. Стоит нам сделать этот первый шаг, что остановит нас от второго? Довольно пугающая, но волнующая мысль.

Вложив письмо в конверт, я написала на нем адрес абонентского ящика в Калифорнии, приклеила марку и посмотрела на имя. Это казалось полным безумием.

Гриффин Куин.

Спустя столько лет.

Глава 4

Гриффин

– Сколько всего?

Мой адвокат покачал головой.

– Итого около ста девятнадцати тысяч.

Я запустил пятерню в волосы.

– Господи! Как я мог быть настолько идиотски слепым?

– Это более чем за два с половиной года. Не будь так строг к себе. К сожалению, с такого рода вещами я сталкиваюсь постоянно. Я вел дела на миллионы, Гриф. Ты много разъезжал, а деньги утекали и утекали. Тебе нужно было положиться на кого-то.

– Да. Видимо, положившись на своего лучшего друга детства, я сделал на редкость неудачный выбор.

Для начала, подписав первый контракт на запись, я вызвал своего приятеля Уилла из Англии и нанял его в качестве менеджера. Я разъезжал повсюду с концертами для продвижения альбома. Моя фирма звукозаписи побуждала меня вернуться в студию и начать запись следующего альбома, и за сутки, в тот день, когда вышел мой сингл, я получил две тысячи подписчиков в Instagram. И это случилось до того, как молва об альбоме действительно разнеслась. Мне нужен был кто-то, кто не давал бы мне расслабляться, кому я мог бы доверить ежедневный контроль за своими финансовыми делами. Аарон, мой адвокат, предостерегал меня, убеждая не нанимать друга. Я сказал ему, что он спятил: невозможно, чтобы я вместо своего приятеля нанял какую-то фирму.

Я протянул Аарону руку.

– Спасибо, чувак, что не говоришь «Я тебя предупреждал».

Он улыбнулся.

– Никогда. Это не входит в мои обязанности. Ты решил, как нам с этим справиться? Ты знаешь, где меня найти. Пусть с этим разбирается полиция. Если он так поступил с другом, то как он поведет себя с посторонними?

Понимая, что Аарон прав, я просто не мог выдвинуть обвинения против Уилла. В глубине души я чувствовал себя отчасти ответственным за его проблемы. Я водил его на вечеринки, где он подсел на наркотики. А когда я понял, насколько его поведение вышло из-под контроля, как поступил? Я отправился

в трехмесячное турне и оставил его одного в своем большом доме с доступом ко всей наличке, которая потребовалась ему для того, чтобы выкопать себе могилу. Может, если бы я отказался от нескольких шоу и заставил его пройти реабилитацию, всего этого дерьма не случилось бы.

– Он занял деньги у своей семьи, чтобы все вернуть. Пока до конца недели не пройдут все межбанковские платежи, я просто хочу выбросить это из головы.

Аарон кивнул.

– Позвони. Как насчет его «G-Wagen» на подъездной дорожке?

– Я сказал ему, что это интересно. Передай его в дар куда-нибудь, мне он не нужен.

– Ты уверен? Это дорогая машина двухлетней давности.

– Я не хочу его денег. Я заберу обратно то, что он украл. Только и всего.

– Ты меня понял. – Аарон встал. – Конкретный благотворительный фонд?

– Нет. Сам выбери. – Проводив его до двери, я открыл ее. – Впрочем, если подумать, посмотри, есть какой-нибудь легальный благотворительный фонд для людей, страдающих от агорафобии.

Мой адвокат нахмурился.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

Он тихо засмеялся.

– Как скажешь, босс.

Я посмотрел, как Аарон отъезжает на своей «AudiR8». Ему пришлось объехать «G-Wagen» и мою «Tesla Roadster». Совершенное излишество в Калифорнии. В Йоркшире с этим дерьмом все обстоит гораздо проще. Не то чтобы я не ценил богатство и славу, но бывали дни, когда я задавался вопросом, стоило ли оно цены, которую я заплатил, – друзья, ворующие у друзей, женщины, использующие тебя для того, чтобы ты ввел их в индустрию звукозаписи, бесчисленные папарацци, невозможность зайти в музыкальный магазин и провести немного времени, спокойно расхаживая по проходам и внимательно присматриваясь с полкам. Мне не хватало в жизни простых вещей, и именно теперь у меня возникло затишье перед бурей. Довольно скоро мне нужно было снова ехать в турне. Потом Коул полностью поглотит Гриффина.

Это мне напомнило кое о чем. Вместо того чтобы вернуться в дом, я дошел до конца подъездной дорожки, чтобы проверить почтовый ящик. Прошла неделя с тех пор, как я написал ответ Луке и надеялся, что мое первое письмо не отпугнуло ее. Черт, честно говоря, я даже никогда не думал, что она получит мое письмо. Я, безусловно, не ожидал, что попаду в такое дерьмовое положение, что она ответит мне.

Потерять в пожаре подругу – да еще на концерте, в толпе… Это довольно хреново.

Идя обратно к дому, я перебрал толстую стопку писем и улыбнулся, увидев знакомый почерк Луки.

Поудобнее устроившись на диване, я разорвал конверт и прочитал от начала до конца. Дважды.

Когда в последний раз кто-либо был так искренен со мной? Вероятно, мама. За последние три года, когда засияла моя звезда в музыкальном мире, такого определенно не случалось. В моей жизни теперь преобладали два сорта людей – те, кто поддакивал мне, потому что работал на меня и мой бренд, и те, кто чего-то от меня хотел.

Лука не относилась ни к одному из них, и если только она не была полным дерьмом, то также не имела никакого представления о том, кем, черт возьми, я стал. К тому же она не знала, кто такой Коул Арчер, либо знала и не узнала меня по единственной фотографии, посланной десять лет назад. Так или иначе,

мне было приятно снова стать Гриффином. Общаться с Лукой было даже еще приятнее.

Я дважды прочитал ее письмо, а потом схватил одну из полдюжины записных книжек, которые валялись по всему дому на случай, если мне в голову придут стихи или музыка.

Дорогая Лука!

Три вещи, которых я боюсь? Как я должен ответить и остаться в то же время крутым парнем? Я точно уверен в том, что не могу сказать тебе, что боюсь темноты, или пауков, либо высоты. Это погубило бы мою репутацию. Поэтому я намерен рассказать тебе о своих реальных страхах. Таких, как провал.

Если ты хочешь знать правду, в чем я почти уверен, то я боюсь провала. Разочаровать других, разочаровать себя, разочаровать…

Я как раз собирался написать «разочаровать поклонников». Но у Гриффина нет никаких поклонников. Мне не хотелось начинать врать Луке, поэтому мне пришлось просто соблюдать осмотрительность, формулируя фразы.

…позволить разрушиться той жизни, которую я построил здесь, в Калифорнии.

Чего еще я боюсь? Смерти. Бояться того, что неизбежно, вероятно, не самая продуктивная трата времени. Возможно даже, что я боюсь не смерти, и это скорее страх неизвестности. Правда ли, что мы попадем на небеса? Думаю, любой, кто испытывает здоровый страх смерти, должно быть, скептически относится к этому вопросу. Если бы я точно знал, что попаду туда, где нет боли и печали, где у всех классные крылья и можно встретиться со своими старыми приятелями, то почти уверен, что не боялся бы смерти.

Последний из описанных страхов был новым, тем, который я долго прокручивал в своей голове прежде, чем, наконец, решиться быть честным. Я имею в виду, что она же поделилась со мной своими дерьмовыми страхами. Это самое

меньшее, что я мог сделать.

Последний страх появился относительно недавно, но от этого он не менее реален. Боюсь, что ляпну что-нибудь и снова отпугну тебя. Поэтому давай заключим договор, хорошо? Если я напортачу, ты сообщишь мне, а не просто прекратишь отвечать на мои письма.

Думаю, что на данный момент мы обменялись достаточным количеством проблем для того, чтобы продержаться некоторое время. Поэтому давай перейдем ко второй части, светлой стороне жизни Луки и Гриффина. За восемь лет у меня накопились вопросы, на которые нет ответа:

1. У тебя, в конце концов, был секс? Если да, ты должна мне рассказать о своем первом опыте, поскольку я поделился с тобой своим, и ты обещала поделиться со мной. (Не идиот ли я, что отчасти мне хочется, чтобы у тебя еще не было секса?)

2. Как ты относишься к бекону? Я имею в виду, ты упомянула, что у тебя есть домашняя свинка, поэтому я гадаю, означает ли это, что ты не ешь бекон. Или, может быть, ты – вегетарианка, как половина населения в ведущей здоровый образ жизни Калифорнии?

3. Если ты поешь в караоке, то какую песню выбрала бы и почему?

До скорого, приятель.

Гриф

P.S. Хотя мысль о том, что ты покажешь мне свою фотографию крайне заманчива, я бы предпочел немного подождать с обменом снимками. Давай пока сохраним тайну.

P.P.S. Гиппопотомомонстросесквиппедалиофобия – боязнь длинных слов. По сравнению с ней твоя маленькая агорафобия кажется детской игрой, не так ли? Подумай о настоящем страхе, Райан.

P.P.P.S. Ты страдаешь от генофобии? Я – определенно нет.

Глава 5

Лука

Я побежала за словарем, чтобы посмотреть слово «генофобия». Психологический страх сексуальных отношений или сексуального контакта.

Прекрасно.

Что же, он не тратил времени попусту и говорил о том, что у него на уме. В этом смысле можно было подумать, что время остановилось.

Безусловно, мне требовалось хорошенько обдумать его вопросы. Шутки? Я знала, что именно хочу ему ответить, за исключением одного вопроса: как я отношусь к бекону. Это была дилемма, с которой я часто сталкивалась. Черт! Почему он спросил об этом?

Я знала, что в любом случае не стану писать ему до следующего вечера, я опаздывала на встречу с Доком. Хотя обычно мы гуляли по лесу, в этот день погода не располагала к прогулке, поэтому я собиралась встретиться с Доком у него дома.

Хорошо, что у меня агорафобия, а не клаустрофобия, потому что у доктора Максвелла был – буквально – крохотный домик, вроде тех, что можно увидеть в шоу на канале HGTV. До знакомства с Доком я никогда не встречала человека, действительно живущего в таком доме.

Док ткнул пальцем в висевшую на стене свою любимую картину с изображением птицы.

– Эта до сих пор остается моей любимицей, Лука. Колибри.

Год назад Док решил, что стремится устроить свой быт в минималистском стиле, отсюда и крохотный домик. Видимо, все, в чем он нуждался, была природа да птицы. Также он пришел к заключению, что больше не желает, чтобы я оплачивала ему сеансы психотерапии, потому что у него достаточно средств. Он настоял на том, чтобы вместо этого я выбрала иной способ компенсации его услуг, и попросил, чтобы я предложила что-нибудь, что казалось мне подходящим.

Что подарить человеку, который, очевидно, ничего не хочет или ни в чем не нуждается? Я понимала, что это должно иметь какое-то отношение к птицам.

Кроме сочинительства я всегда баловалась искусством, точнее, немного писала маслом. Однажды вечером я нагуглила, как нарисовать птицу. За несколько месяцев я овладела этим мастерством, научившись передавать и элементы оперения, и строение птиц. Я научилась делать эскизы и писать птиц некоторых видов, но презентовала Доку только самые лучшие работы. Остальное хранилось у меня в подвале, там получилось что-то вроде птичьего могильника. Что общего у всех птиц, которых я изобразила? Все они были стоиками, никогда не летали, просто сидели в определенной позе с закрытыми клювами. Мы окрестили мою живопись «Коллекция стоических птиц». Док строил теории насчет того, что внешний вид птиц отражал мои душевные переживания, своего рода тяжесть. Так или иначе, теперь мои обрамленные в рамы произведения украшали каждый уголок его жилища, и я слегка сходила с ума всякий раз, когда оглядывала свои творения.

Док уселся напротив меня.

– Итак, Лука, расскажите мне, как обстоят дела с вашей перепиской с Гриффином?

Одно лишь упоминание имени Гриффина настроило меня на легкомысленный лад.

– Весьма любопытно. Кажется, мы заново начали с того, на чем остановились, что совершенно невероятно, учитывая то, что мы оба повзрослели, и прошло много времени.

– Чем именно он занимается в Калифорнии?

– Знаете… он не вдавался в детали, но я поняла, что он работает в музыкальной индустрии и подает надежды как музыкант. Полагаю, что он, вероятно, занял какую-то должность, чтобы пробиться.

– А. Умно.

– Впрочем, есть кое-что интересное… Когда я предложила ему обменяться фотографиями, он сказал, что предпочитает по-прежнему хранить тайну. Мне это показалось немного странным. В прошлом он всегда хотел знать, как я выгляжу.

– Думаете, он стесняется своей внешности?

– Не уверена. Либо так, либо ему просто нравится неизвестность. – Я вздохнула. – Не странно ли, что меня вообще не волнует, как он теперь выглядит? Я имею в виду… отчасти я определенно представляю его привлекательным, как на фотографии, которую он прислал мне, когда нам было по двенадцать. Но в то же время для меня это просто не имеет значения.

– Откровенно говоря, я слегка удивлен, что вы так жаждете послать ему свое фото. Это на вас не похоже. Вы все же склонны к осторожности.

– Не с ним. Я думаю, так проявляется моя эгоистичная потребность дать ему понять, что я – не уродина. По крайней мере, я так не считаю. Я думаю, что я из тех, кто ему понравился бы. Как бы неловко ни чувствовала я себя с посторонними людьми, мне вполне комфортно в собственной шкуре. Мне достаточно часто говорили о том, что я привлекательна для того, чтобы я поверила в это, пусть даже некоторые из этих мужчин, вероятно, просто пытались затащить меня в койку.

– Я рад, что вы считаете себя красивой, Лука. И это правда, и внешне, и внутренне. Разумеется, не имеет значения, что думают другие, главное – что думаете вы.

Хотя я понимала, что формально он прав – чужие мнения не стоят внимания, – мне определенно было интересно узнать, что думает Гриф. Возможно, чуть больше, чем следовало бы, с учетом того, как мало прошло времени после

возобновления нашей переписки.

– Иногда по вечерам, когда мне скучно, я без всякой причины делаю макияж и наряжаюсь.

– Я бы сказал, что это странно, но я провел полжизни, ведя односторонние философские беседы с птицами.

– Да. Вы, правда, не умеете разговаривать, Док. – Я рассмеялась. – Так или иначе… Я наряжаюсь и никуда не иду. Это довольно грустно. Но мне хочется узнать, как бы я выглядела, если бы действительно вышла из дома. Иногда я делаю фотографии. Я хорошенько привожу себя в порядок.

– Вы понимаете, что навели меня на отличную мысль по поводу ваших следующих сеансов экспозиционной терапии, верно?

– Дайте подумать. Вы хотите, чтобы я принарядилась и действительно пошла в людное место, не так ли?

– Да. И я знаю такое местечко, куда мы пойдем.

Вероятно, мне следовало проявить заинтересованность.

– Замечательно.

* * *

Наконец, угнездившись на своем любимом месте на диване и поставив рядом чашку горячего чая, я начала писать ответ.

Дорогой Гриффин!

Мне действительно пришлось посмотреть в словаре, что значит «генофобия». Сначала я подумала, что ты намекал на то, что я гермофоб[5 - Гермофобия – боязнь микробов.], кем я безусловно, не являюсь, учитывая, что я живу со

свиньей! (Я стараюсь содержать ее в чистоте несмотря на то, что позволяю ей валяться в грязи, и ситуация непредсказуема. Ее истинная свинская натура берет свое.)

Генофоб ли я? Нет. Мне приятно думать о сексе, о том, чтобы раскрыться перед кем-то подобным образом – я имею в виду раскрыться буквально и фигурально.:) Возможно, это страшновато, но это не фобия. Мой сексуальный опыт точно не оправдал надежд, которые, как я думаю, могли бы воплотиться с подходящим партнером. Иными словами, у меня не было умопомрачительного секса, который, вероятно, существует. Во всяком случае, я надеюсь, что он существует. Я все еще надеюсь, что испытаю его.

Это подводит меня к ответу на твой первый вопрос, что я практически только что сделала. Был ли у меня в конечном счете секс? Да, но не раньше, чем мне исполнилось двадцать лет. Мне потребовалось некоторое время для того, чтобы снова начать встречаться с парнями после пожара. В конце концов, меня лишил девственности приятель, с которым я познакомилась через группу поддержки людям, пережившим пожар. Майкл потерял своего кузена. После одного из сеансов мы, наконец, сели в его машину поговорить, и так, слово за слово… Он понятия не имел, что я – девственница. Так или иначе, это получилось быстро и болезненно. И, кстати, чувствовать кожу сиденья под голой задницей – не самое приятное ощущение. Вскоре после этого он перестал приходить на собрания, и наши отношения прекратились. «Первый раз» точно не походил на то, что я рисовала в своих мечтах. В общем, так же, как и ты. С тех пор у меня было еще двое партнеров, о которых мне нечего сказать – или нечего сказать моему другу по переписке. Не во всем виноваты они. Танго танцуют вдвоем, и я просто не думаю, что позволю себе дойти до такой степени уязвимости, которая, вероятно, необходима для того, чтобы полностью отдаться кому-то. У тебя есть для меня указания на этот счет?

Итак, караоке… Я только однажды пела в караоке, но нашла это занятие более приятным, чем предполагала, хотя была одна в своей гостиной с Гортензией в качестве единственного зрителя. Должно быть, я была слегка навеселе, как и ты, когда впервые снова написал мне. (Кстати, это было лучшее решение, принятое когда-либо на пьяную голову.) Ну вот, видишь? Я тяну с ответом, потому что не решаюсь сказать тебе, что моя любимая песня в караоке на все времена – это (барабанная дробь) «Fernando» группы «ABBA». Опять же, ты, должно быть, полагаешь, что я выбрала песню «ABBA», словно не помнишь ничего из того, что я постоянно говорила в дюжинах писем.

Самый трудный из твоих вопросов я оставила напоследок. Серьезно, мне понадобился целый день для того, чтобы ответить на него, потому что, честно говоря, для меня это огромная моральная дилемма. Хотя я больше не ем его, я ЛЮБЛЮ бекон: яичницу с беконом, ломтики бекона, морские гребешки в беконе. Тяга не проходит за одну ночь от того, что ты становишься приемной матерью для свиньи. То, что у меня сейчас текут слюнки, отчасти вызывает у меня чувство отвращения. Поэтому к бекону я отношусь так же, как ко многим вещам в жизни. Я сторонюсь их, но ничего не могу поделать с тем, что люблю их. (Возможно, это что-то вроде порнографии?) Конечно, когда я пишу это, Гортензия смотрит на меня в упор, и я ощущаю себя Ганнибалом Лектером.

На этой странной ноте я заканчиваю и надеюсь, что ты скоро напишешь мне. Я очень рада тому, что мы возобновили общение. Мне, правда, начинает казаться, что вернулось прошлое.

Ты все еще веришь в Бога?

Лука,

Твоя любимая подруга по переписке.

P.S. Поскольку ты не хочешь обменяться фотографиями, я подумала, что должна немного рассказать тебе о себе. Мой рост – 5,6 фута[6 - 5,6 фута соответствует 170,7 см.], вес – 125 фунтов[7 - 125 фунтов соответствует 56,6 кг.], я – большая мастерица принарядиться, когда это необходимо. Если нет необходимости, то чаще всего по вечерам меня можно увидеть завернутой во флисовое одеяло, и тогда я выгляжу как клуша.

P.P.S. Теперь твоя очередь побольше рассказать мне о том, как ты теперь выглядишь.

* * *

Ожидание письма всегда кажется мне пыткой, ведь я не застрахована от того, что Гриффин не ответит. Каждый раз мне просто приходилось слепо верить. Поэтому, ожидая, я проводила время, живя своей жизнью: ежедневно

подсчитывала, сколько написала, посещала сеансы Дока, ухаживала за Гортензией. Но всегда с нетерпением ждала свежую почту.

Прошло больше недели, пока в моем абонентском ящике появился ярко-красный конверт. «Дни прихода писем» всегда стоило отмечать. Я поехала домой, уладила дела с Гортензией и, расслабившись, села в кресло, чтобы насладиться чтением.

Дорогая Лука!

Между прочим, бекон и порнография потрясающе сочетаются друг с другом.

В следующей жизни я хочу вернуться свиньей и быть усыновленным тобой. Не странно ли?

Мне понравились твои ответы и твоя искренность. Я не возражал бы поваляться в грязи с тобой и Гортензией. По иронии судьбы сегодня у меня на завтрак бекон, и, должен сказать, я поймал себя на том, что ломаю голову, так ли уж нужно его есть, поэтому большое спасибо тебе за это.

Думаю, если ты предпочитаешь «Fernando» группы «ABBA», то это хороший выбор. Ты могла бы выбрать «Dancing Queen», что было бы слишком банально и скучно – две вещи, которые определенно несовместимы с тобой, Лука.

Ты спрашивала, верю ли я по-прежнему в Бога. Мне кажется, присутствие Бога в нашей жизни то усиливается, то ослабевает, но я верю, что Он, или Она, существует. Периоды, когда мы чувствуем себя более отдалившимися от Бога, – это время страдания или боли. Несмотря на то что в такие дни нам недостает силы, Бог вынуждает нас снова проложить путь к Нему. Затем Он вознаграждает нас за веру и упорство. Иногда мне кажется, что возобновление общения с тобой – это пример вознаграждения, пример магического проявления Бога. Верить нелегко. Не думаю, что мы должны получить все ответы или понять, почему случаются неприятности. Мы, к примеру, не знаем, лучше ли нашим любимым там, куда они попали. Может быть, мы думаем, что их наказали смертью, но, возможно, их пощадили. Может, мы сами находимся в аду. Просто у нас нет всех ответов, да мы и не должны знать их. Понимаешь? Возьми на заметку, Лука, не настраивай Гриффина на философский лад, иначе он без

конца будет перескакивать с пятого на десятое.

Спасибо тебе за то, что подробно описала свою внешность. Теперь я не могу выбросить ее из головы. Я отчасти похож на фотографию, которую когда-то послал тебе, за исключением того, что я стал (слава богу) чуть покрепче и у меня теперь растет щетина на лице. Надеюсь, ты не думаешь, что я темню, не желая обменяться фотографиями. Такая анонимность в общении с тобой обеспечивает мне определенный уровень комфорта, которого я не нахожу где-либо еще.

Я несколько раз перечитал ту часть твоего письма, где ты отвечала на мой вопрос о сексе, но толком ничего не понял. У тебя когда-нибудь БЫЛ оргазм? Можно ли БЫТЬ более навязчивым? (Да, я говорю, как Чендлер из сериала «Друзья».) Прошу тебя, скажи мне, испытала ли ты оргазм хотя бы однажды за все это время. Я понимаю тебя, когда ты говоришь, что тебе нужно довериться кому-то для того, чтобы отдаться по-настоящему. В этом и заключается разница между обычным половым актом и настоящей сексуальной связью с кем-то. Последнее – редкость. Я много занимался сексом, но чаще всего просто как средством достижения цели, а когда все кончено, нет ничего хуже, чем цепляться за него. Я не горжусь этим, но женщины (во всяком случае, здешние) сильно облегчают дело мужчинам. В большинстве случаев мы берем то, что вы предлагаете, но иногда приятно побороться. У меня создается впечатление, что ты легко не сдаешься, и это здорово, Лука. Поверь мне. Я не хочу быть с кем-то, кто не против просто воткнуть в себя мой член и пойти домой. Мне нужна та, которая понимает, что она достойна большего, и которая хочет большего. Ты не поверишь, сколько я каждый день встречаю пустых женщин, которых полностью устраивает – как говорят американцы – «перепихнуться». Я тоже хочу почувствовать нечто большее. Я думаю, что ты относишься к тому сорту людей, которые хотят большего и надеются на большее, но ты оказалась не в то время и не в том месте, и у тебя не было большого выбора, когда у тебя был секс с теми счастливчиками. Думаю, что теперь ты стала намного мудрее и избирательнее. Это хорошо, потому что ты заслуживаешь большего. Между прочим, я был бы совершенно спокоен, если бы ты решила никогда больше не заниматься сексом.;-)

Шучу. Хотя я ужасно ревновал к тому футболисту, твоему школьному бойфренду. Меня всякий раз убивали твои слова о возможности заняться с ним сексом. То есть я отчасти рад, что у тебя с ним ничего не было, даже если ты в первый раз впустую потратила время с «сомнительным» кузеном в трауре,

который, возможно, просто пришел на собрание для того, чтобы подкатиться к ранимой девчонке. В любом случае тот мошенник, с которым ты встречалась в средней школе, был тебя недостоин. Я рад, что могу теперь признаться тебе в том, что ревновал. Или, возможно, я просто думаю, что рад, но на самом деле я ставлю тебя в неловкое положение, и ты в данный момент устанавливаешь у себя дома автоматическую систему безопасности. Скажи мне какую. Скажи, а кто-нибудь когда-нибудь занимался с тобой оральным сексом?

До скорого, приятель,

Гриф

P.S. Ты не обязана отвечать, но если ответишь, я сочту это намеком на то, что ты хочешь чуть больше поговорить о сексе. Не потому, что мы стали взрослыми, а из-за того, что, возможно, отчасти забавно изучить наши вариации и наши фантазии.

P.P.S. Потраться на систему сигнализации с видеокамерой.

Я перечитала письмо по меньшей мере раз пять. Господи, он заставил меня смеяться и улыбаться! И, черт побери, он даже не задел меня за живое, хотя я совершенно завелась от его слов. В основе нашего взаимного притяжения лежало не физическое влечение, а очень сильная ментальная и эмоциональная связь. Я доверяла ему больше, чем кому бы то ни было, что означало, что мне определенно хотелось выяснить, куда заведут нас наши слова. Как много всего произошло со мной с тех пор, как мы были подростками. Теперь же у меня появилось определенное преимущество – я больше не думала, что нужно держать все в себе. Если тебе есть что сказать, скажи, а если чего-то хочешь – сделай это. Хотя мне нужно было победить свою агорафобию, все же, когда я не выходила за пределы своего дома, мне казалось, что я могу управлять миром. По крайней мере, Гриффин настроил меня на такой лад.

Глава 6

Гриффин

Это был длинный и напряженный день в студии звукозаписи. Все музыканты группы уже ушли, когда ко мне, когда я тоже собирался на выход, подкралась координатор производства.

– Привет, Гриффин!

– Привет, Мелинда!

Последний раз я видел Мелинду несколько месяцев назад, я прижал ее к стенке, и мы трахнулись в звукоизоляционной кабине. Она была так притягательна, как никто из тех, с кем я путался; крашеная блондинка типа силиконовой куклы. Но я явно не стремился к повторению. В последнее время мне стало сложно концентрироваться на чем-либо другом, кроме писем Луки, что было полной хренью.

– Сегодня вечером наша компания идет в клуб «The Roxy» отметить окончание работы, – сказала Мелинда. – Ты с нами?

– Э… я еще не уверен в своих планах.

– Вообще-то я надеялась, что ты пойдешь.

– Да, я сообщу тебе.

– Если нет… может быть, я могла бы заехать к тебе домой, и мы могли бы потусоваться.

Ко мне домой? Хм, нет.

– Я подумаю.

Конечно, нет.

– Ладно… ну, может быть, позвонишь мне позже.

– Да. Увидимся, – сказал я, проходя мимо нее к выходу.

Сев в машину, я замер в нерешительности, не трогаясь с места. Моя голова была наполнена мыслями о Луке, к которым примешивалось довольно сильное чувство вины. Мы всегда гордились тем, что были абсолютно честны друг с другом, однако я скрывал от нее громадную часть своей жизни. Я даже не спросил ее о книгах, которые она написала, хотя мне было очень любопытно. Все оттого, что мне казалось нечестным, если она расскажет о своей карьере, тогда как я нагоняю туману. Но, честно говоря, был ли у меня выбор? Если я хотел испытать то же, что испытывал когда-то, общаясь с ней, то я точно не мог сказать ей, что ее верный друг Гриффин стал теперь Коулом Арчером, солистом группы «Archer», хорошо известным легионам фанатов во всем мире. Лука взбесилась бы до чертиков. Моя жизнь была полной противоположностью ее жизни. Ради всего святого, она даже не могла бы пойти днем за покупками, не говоря уже о том, что ей пришлось бы иметь дело с нападающими на нее людьми, которые неизбежно преследовали бы ее по всему миру, если бы пронюхали о нас. Мне казалось, что я загнан в угол. Если не сказать ей правды, то однажды она все узнает и рассердится на меня. Если сказать, то она, черт побери, ни за что на свете не захочет встретиться со мной. В то же время я искренне думал, что не смогу двигаться дальше, не узнав, какова она на самом деле. Лука стала одной из самых важных женщин в моей жизни. Проходили недели, и я чувствовал, что все больше и больше нуждаюсь в том, чтобы узнать, как выглядит безликая женщина, о которой я мечтал. Поскольку через пару месяцев у меня намечалось турне, мне казалось, что мне понадобится немного душевного спокойствия до того, как я начну работать в режиме нон-стоп.

Прокрутив телефон, чтобы найти имя частного сыщика, который однажды уже помог мне, я набрал номер.

– Джулиан… это Коул Арчер.

– Коул!.. Сколько лет, сколько зим!

– Да-да, верно.

– Чем могу помочь?

– Ну, в настоящий момент у меня просьба немного иного рода. Можешь отправиться в поездку прямо сейчас?

– Далеко?

– В Вермонт.

– И что я там буду делать?

– У меня есть подруга, местонахождение которой я хотел бы узнать. Ты не должен разговаривать с ней или приближаться к ней. Просто я хочу, чтобы ты сделал несколько снимков и пару дней последил за ней, чтобы я имел представление об ее обычном образе жизни, а также дай мне знать, если решишь, что ей не грозит опасность.

– Полагаю, у тебя есть ее имя и адрес?

– В том-то и проблема. Эта девушка… она – моя старая подруга, но, честно говоря, мы не знаем настоящих имен друг друга.

– Происходит что-то странное?

– Нет. Ничего подобного. Мы познакомились в детстве, по переписке. С самого начала мы пользовались вымышленными фамилиями, потому что в то время таковы были правила. Недавно мы восстановили связь и так и не изменили старой привычке. Она даже не знает, что я – Коул Арчер.

– Хм-м. Хорошо. Так что, какую информацию я должен накопать?

– У меня есть номер ее абонентского ящика. Тебе придется подежурить у местного почтового отделения до тех пор, пока она не придет проверить почту, и проследить за ней до дома. Не могу точно сказать, сколько времени пройдет, прежде чем она появится там, но я заплачу за твое время столько, сколько ты захочешь.

– Знаешь, там страшно холодно.

– Купи туристическую экипировку «L.L. Bean», прибавь к счету. Я пришлю тебе адрес. Как думаешь, когда ты сможешь уехать?

– Вероятно, я смогу отправиться туда в эти выходные.

Я вздохнул, чувствуя одновременно страх и возбуждение.

– Отлично.

Когда я отключился, ко мне в душу закралось чувство вины. Я терпеть не мог поступать подобным образом, но мне действительно нужно было узнать больше, прежде чем я решу сделать следующий шаг. По правде говоря, к этому меня подтолкнуло ее письмо, после которого мне начало казаться, что наши отношения меняют курс.

Я достал письмо и перечитал его.

Дорогой Гриффин!

Я раз пять бралась написать. Всякий раз заканчивалось тем, что я бросала скомканную почтовую бумагу в стоящую рядом с моим письменным столом корзину. Вообще-то это не совсем правда, не все пять листов попали в корзину для бумаг. Я довольно дерьмовый стрелок. Но, как бы то ни было… причина того, что я пять раз пыталась написать это письмо, заключается в том, что я старалась воздержаться от ответа на некоторые твои вопросы, поэтому не думай, что я полнейшая идиотка. Хотя я уже говорила тебе обо всех своих страхах, борьбе с беконом и о том, что я время от времени разговариваю со свиньей. Увы, может быть, мой поезд уже ушел. Так вот… голая правда об оральном сексе, оргазме и мастурбации…

У меня уже был оргазм. К сожалению, не с партнером. Я не уверена, с чем связана моя неспособность дойти до кульминации – с тем, что мужчинам просто было наплевать на меня, или с тем, что это моя физическая проблема. Но я могу испытывать оргазм, только не в присутствии кого-либо из мужчин, с которыми у меня была близость. На самом деле, оказалось, что я довольно легко могу довести себя до кульминации сама. У меня чудесная коллекция вибраторов, мой

любимый кролик «LELOINAWave». Он обеспечивает двойную, внутреннюю и наружную, стимуляцию. Но, честно говоря, в крайнем случае я могу добиться этого рукой.

Я прислонился затылком к подголовнику и закрыл глаза. Господи Иисусе, образ ласкающей себя Луки свел меня с ума. На долю секунды я подумал о том, чтобы расстегнуть джинсы и прямо в машине заняться мастурбацией. Но меньше всего я нуждался в том, чтобы меня арестовали у студии звукозаписи. Или, еще хуже, какой-нибудь фанат снял бы видео в то время, пока я дрочил, и это дерьмо разнеслось бы по всему свету в мгновение ока. К тому же на мне облегающие джинсы. Я должен запомнить, что письма Луки следует читать только в одиночестве, у себя дома.

Я вздохнул поглубже, откашлялся и открыл глаза. Вести машину сейчас я точно никак не мог, поэтому подумал, что с таким же успехом могу доставить себе удовольствие и в шестой раз, черт побери, дочитав письмо до конца.

Странно, я больше всего сомневалась, писать ли тебе то, о чем только что написала в предыдущем абзаце. Следующий о том, что…

Я никогда не оговорила тебе, но я дала тебе тайное прозвище Ми-Ми. То, что за ним скрывается, меня очень смущает. Но фиг с ним… делать нечего. Мне было почти тринадцать лет, когда ты прислал мне свою единственную фотографию. Я провела немало времени, глядя на нее. Если ты не в курсе, ты был очень, очень красивым. Для начала, я была сильно увлечена тобой – и это еще до того, как ты послал фотографию. Но как только я разглядела, как ты прекрасен – мое отношение к тебе перешло на новый уровень. Не забывай, я была подростком, в котором бушевали гормоны. Так или иначе, однажды ночью я лежала в кровати, уставившись на твою фотографию, и в самый первый раз просунула руку в трусики. Мне было так приятно, но у меня, разумеется, еще не было вибратора, и мне нужно было возбудиться сильнее. То есть мне пришлось импровизировать. Отчасти именно это вызывает у меня смущение. Помнишь маленькие брелоки Фёрби? Вибрирующие зверюшки, которые много лет в McDonald’s вкладывали в упаковку «Happy Meals»? Уверена, что ты понимаешь, как закончится эта история. Как бы то ни было… у меня, в частности, была одна маленькая фигурка Фёрби… ее звали Ми-Ми.

Ну и мне пришла в голову прекрасная мысль попытаться засунуть Ми-Ми себе под белье. Я прижала его к промежности, и он, вибрируя, возбуждал мой клитор. Я совершенно уверена, что не понимала, что делаю, но этому малышу удалось сорвать джекпот. Той ночью я испытала свой первый оргазм – в одной руке держа твою фотографию, а другой прижимая Ми-Ми к своему телу. То есть, в сущности, своим первым оргазмом я во многом обязана тебе.

Не слишком ли много информации? Кстати, мой папа так никогда и не понял, почему я вдруг с такой одержимостью стала стремиться в McDonald’s. Не стоит говорить, что после этого «Happy Meals» делал меня ужасно счастливой.

Между прочим, я внезапно страстно полюбила куриные наггетсы, кусочки яблока и пакетики с молоком. А как ты?;)

Ладно, последний вопрос – оральный секс. Да, я занималась им как активно, так и пассивно. Хотя было приятно, когда меня ласкали, я никогда не доходила до оргазма. Может, парень был не слишком умел? Не знаю. Но могу сказать тебе, что я подготовилась к своему первому активному опыту – знаешь, есть целый порносериал «Для чайников»? Минет для чайников обошелся мне в 29,99 доллара за 15-минутное видео. Но я бы сказала, что это было очень прибыльное вложение.

Думаю, что ответила на все твои вопросы. Моя очередь!

Расскажи мне о своей самой потаенной фантазии.

Лука,

Твоя любимая подруга по переписке

P.S. Почти уверена, что у меня еще остался один Ми-Ми, где-то в коробке, в чулане. Если ты пришлешь мне свежую фотографию, я, возможно, откопаю его…

P.P.S. Почти уверена, что после последних писем «LELO» понадобятся новые батарейки.

Глава 7

Лука

– Лука? – окликнула меня Сесили, женщина, работавшая за стойкой в моем маленьком почтовом отделении. К счастью, в тот день народу там почти не было. Я закрыла абонентский ящик, чувствуя легкое разочарование от того, что до сих пор не получила ничего от Гриффина. Прошло, должно быть, больше недели после моего последнего письма к нему, и я все сильнее беспокоилась о том, что, возможно, была слишком искренна, поделившись с ним своими сексуальными шалостями – а именно, рассказав о мастурбации фигуркой Фёрби, – и отпугнула его. Когда я вошла в зал почты, примыкавший к комнате с абонентскими ящиками, Сесили подняла палец вверх.

– У меня для тебя посылка. Она не поместилась в ящик. Позволь, я схожу за ней.

– О… Хорошо.

Я думала, что издатель пришлет мне экземпляры моих последних недавно опубликованных книг, но, когда подошла Сесили, неся в руках огромную красную коробку, у меня часто забилось сердце. Неужели Гриффин что-то прислал мне?

Она опустила коробку на прилавок.

– Обычно твои посылки довольно тяжелые, а эта достаточно легкая для своего размера.

Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть обратный адрес. На моем лице засияла улыбка от уха до уха, когда я увидела знакомый почерк Грифа. Сесили заметила это.

– Кажется, то, что обрадовало тебя, дошло в целости и сохранности.

– Да. Я не ожидала получить коробку, только письмо.

Она тепло улыбнулась.

– Что же, надеюсь, там что-нибудь приятное.

Я отнесла посылку в машину, едва сдерживаясь от того, чтобы не разорвать упаковку и не открыть ее прямо на парковке. Обычно я терпела до дома, чтобы прочитать письмо, но теперь чувствовала слишком сильное возбуждение. Положив посылку на переднее пассажирское сиденье, я, подойдя к водительскому месту, села в машину, а затем стала разрывать упаковку, чтобы заглянуть в большую коробку.

Поверх красной папиросной бумаги лежал надписанный моим именем красный конверт. Взяв его, я задумалась, читать ли письмо, но любопытство оказалось сильнее меня, и я, вопреки всем правилам приличия, открыла подарок, даже не прочитав открытку.

Развернув бумагу, я вытаращила глаза.

О боже!

Я расхохоталась. Внутри лежало больше сотни вибрирующих брелоков Фёрби. Я даже представить себе не могла, где, черт возьми, он раздобыл их, поскольку их перестали вкладывать в «Happy Meals» больше десяти лет назад. Взяв один, я посмотрела на донышко и передвинула переключатель на «On». Естественно, брелок в моей ладони завибрировал, отчего я пронзительно взвизгнула, словно мне снова было тринадцать лет.

Я не могла дождаться, пока доеду до дома, чтобы прочитать письмо, и рванула конверт, словно наркоман, нуждающийся в очередной дозе.

Дорогая Лука!

Если бы ты спросила меня о моей самой потаенной фантазии месяц назад, я, вероятно, рассказал бы тебе о том, что раз или два мечтал о небольшом сеансе БДСМ. Я мечтал лишить женщину всех ее чувств – завязать повязкой глаза и закрыть уши наушниками. Она должна была быть одета в ковбойские кожаные

чапсы с открытым задом и обута в туфли на шпильках. Ее руки были бы связаны за спиной, а сама она наклонялась бы вперед в позе для порки, и на ее огненно-красных ягодицах отпечатались бы мои пальцы. Я уверен, что ты в состоянии это вообразить с учетом твоего бекона, увлечения порно и все такое.

Но в последнее время все изменилось. Теперь мои самые потаенные, самые черные фантазии граничат с порочными. С порочными, Лука. Я не мог перестать думать о некой женщине ростом в 5,6 фута, лежащей с раздвинутыми ногами в кровати и прижимающей к промежности чертов Фёрби.

Как ни печально, я абсолютно серьезен. Я даже подумал о том, чтобы пойти в группу взаимопомощи – может быть, в группу для фетишистов? Думаю, что они, возможно, поняли бы меня.

Лука, Лука, Лука. Что ты сотворила со мной?

С любовью,

Ми-Ми

P.S. Ты знаешь, что с ними делать. Думай обо мне, когда будешь заниматься этим.

P.P.S. Ты визжишь? Стенаешь? Ты когда-нибудь делала это прилюдно?

P.P.P.S. Мой аккаунт на eBay заблокировали по причине возможного мошенничества, потому что я сделал покупки несколько раз подряд. Ни у одного продавца не было большого запаса вибрирующих Ми-Ми, но в результате мне удалось набрать сотню у семидесяти семи человек!

* * *

Гортензия подумала, что это жевательные игрушки. Я гонялась за ней по всему дому, пытаясь вынуть Фёрби у нее изо рта, но она лишь решила, что я играю с ней. В тот момент, когда я отвоевала у нее очередной брелок, она побежала

в мой кабинет и схватила из коробки другой. До прихода Дока на намеченный на этот день сеанс мне нужно было найти безопасное место для моей новой маленькой коллекции, поэтому я притащила из подвала пластиковый контейнер со снабженной фиксатором крышкой и начала перекладывать в него маленькие игрушки. На дне коробки, под кучей Фёрби, лежал сложенный вдвое лист бумаги, наполовину застрявший под клапаном коробки. Я развернула его, думая, что Гриффин, возможно, написал еще одну записку. Но вместо нее я увидела квитанцию eBay на один из вибрирующих брелоков. Должно быть, он случайно забился туда, когда Гриф упаковывал игрушки. В левом верхнем углу была напечатана информация о доставке:

Marchese Music

12 ViaCerritos

PalosVerdesEstates, CA 00274

Вот это да! Должно быть, Гриффин там работает. В «Marchese Music».

И теперь я знала его адрес или, по крайней мере, мне было известно место, где можно его найти. Мой мозг мгновенно заработал на всю катушку. Подумать только, что, если я появлюсь у двери здания, где он работает? Он, наверное, даже не узнал бы меня. Я, возможно, смогла бы увидеть его воочию, а он даже не догадался бы, что это я. Это было бы великолепно.

Рассмеявшись от этой мысли, я закончила упаковывать Фёрби. Но вместо того, чтобы выбросить адрес, я засунула его в выдвижной ящик письменного стола.

Через несколько минут Гортензия взбесилась. Заворчав, она стала носиться туда-сюда, от кабинета к входной двери. Я всегда думала, что свиньи хрюкают, но моя, скорее, громко ворчала. Во всяком случае, она делала это до тех пор, пока Док не въехал на подъездную дорожку.

– Сегодня мы поменяем наши планы, Лука! – закричал он, открывая застекленную дверь.

Я потянула Гортензию за ошейник, чтобы оттащить ее от двери.

– Пойдем, девочка, оставь доктора в покое. Он захочет поиграть с тобой, только когда у тебя отрастут крылья.

Наклонившись, Док дал Гортензии угощение, достав его из кармана. В качестве лакомства для свиньи он принес в одном кармане хрустящее печенье с арахисовым маслом, а в другом – собачьи галеты.

– Лука, дорогая, приготовьтесь, сегодня мы идем в зоомагазин!

Я замерла на месте.

– Нет, мы не пойдем. Вы сказали, что сегодня мы прогуляемся.

– Я сказал так, потому что, когда я говорю вам, что нам предстоит какого-либо рода сеанс экспозиционной терапии, вы проводите несколько дней в стрессе, и это приводит к тому, что мы идем на прогулку. А так у вас остается меньше времени на то, чтобы начать нервничать заранее.

– Если не считать того, что пятидневный стресс заменит пятнадцатиминутная поездка на машине в магазин, когда моя голова, возможно, взорвется.

Док нахмурился.

– Не думаю, что получится именно так.

– Не помните, как в последний раз мы ездили в зоомагазин?

Несколько месяцев назад мы попробовали заняться экспозиционной терапией в выходной день перед Пасхой. Неизвестно, кому – Доку или мне – пришло в голову поехать в магазин в тот самый день, когда там расхаживал человек, наряженный в костюм Пасхального кролика и делавший фотографии с домашними животными. Мы вошли через боковую дверь, поэтому не увидели заполненной до отказа парковки. Магазин смахивал на сумасшедший дом, переполненный людьми и их питомцами. Дойдя до половины первого прохода,

я почувствовала такое головокружение и тошноту, что, задыхаясь, была вынуждена сесть на землю. К сожалению, я случайно села в лужицу собачьей мочи. Когда я, наконец, набралась храбрости, чтобы покинуть магазин, все собаки решили, что я – пожарный гидрант, и захотели обнюхать меня – точнее, обнюхать мой зад.

– На этот раз мы пойдем в магазин поменьше. И утром, по дороге сюда, я заехал в него и убедился, что сегодня там не проводится никаких мероприятий.

От этого мне слегка полегчало.

– Почему бы нам не пойти в магазин во время следующего сеанса, а сегодня просто совершить чудесную прогулку? Погода стоит прекрасная.

Он покачал головой.

– Мне нужно купить новый корм для птиц. Белка рассыпала корм для колибри.

– У вас во дворе не меньше двадцати кормушек. День-другой колибри смогут поесть что-нибудь другое.

Подойдя ко мне, Док положил обе руки мне на плечи.

– Поверьте мне, Лука. Смысл наших терапевтических встреч не в том, чтобы пойти в магазин и избежать панической атаки. Или пережить паническую атаку, когда она вполне ожидаема. Смысл экспозиции в том, чтобы войти в пугающую ситуацию и справиться с панической атакой, когда она начнется. Мы пройдем через это вместе.

Я закрыла глаза.

– Хорошо.

– Узнаю свою девочку.

* * *

– Итак, расскажите мне, что у вас нового с другом по переписке.

Мы с Доком припарковались у зоомагазина, но мне потребовалось несколько минут для того, чтобы достаточно успокоиться и войти внутрь; поэтому мы прогуливались по кварталу. Я поняла, что он упомянул Грифа, дабы отвлечь меня, но, честно говоря, если мысли о Грифе и могли мне помочь переключиться, я не была уверена, что могу что-то сказать.

– Он прислал мне подарок.

– О?

Я не собиралась рассказывать Доку историю о мастурбации с участием Фёрби, поэтому уклонилась от правды.

– Просто игрушки, которыми я увлекалась в прошлом, когда мы были детьми. Не то чтобы он прислал мне бриллианты или что-то в этом роде.

– Я уверен, что в любом случае он помнит что-то такое, что значит для вас больше, чем ювелирное украшение.

Я улыбнулась. Док действительно хорошо знал меня.

– Уже некоторое время мы обмениваемся письмами раз в неделю, и наши отношения отчасти приобрели… личный характер. Например, мы открыто говорим о своих свиданиях и о сексуальной жизни или, скорее, об отсутствии ее у меня.

– И вы оба до сих пор не обменялись свежими фотографиями и не говорили по телефону?

– Я попыталась. Но Гриф сказал, что предпочитает хранить тайну.

Док на минуту замолчал.

– Вы верите в то, что он говорит правду?

Об этом я много думала в последнее время. Меня не покидало ощущение, что Гриф доверяет мне не так, как в те времена, когда мы были детьми.
И действительно: он не пожелал говорить о своей работе, сказав лишь, что все сложилось не так, как он планировал. И он изворачивался даже тогда, когда речь заходила о его внешности, что навело меня на мысль о том, что Гриф, возможно, смущается того, что не добился в музыкальной индустрии таких успехов, на которые рассчитывал, и, может быть, потерял уверенность в себе. Вероятно, мне не стоило говорить ему о собственных успехах и хвастаться тем, что мой дебютный роман попал в список бестселлеров New York Times.

– Не знаю. Предполагаю, что он немного стесняется своей работы и его уверенность в себе пошатнулась. Довольно забавно, потому что все это не имеет никакого значения. Мне все равно, как он выглядит, или работает, к примеру, на складе продуктового магазина. Когда в прошлом я назначала свидания в Сети, я не давала мужчине никакого шанса, если он не казался мне физически привлекательным. Однако мне, честно говоря, плевать, похорошел ли Гриффин с возрастом или у него огромный шрам через все лицо. Я люблю душу этого парня и его чувство юмора.

– Это очень разумно. Звучит так, будто вы испытываете определенные чувства к этому мужчине.

Я вздохнула.

– Думаю, что да. Но не знаю, как сделать так, чтобы Гриф понял, что нравится мне таким, как есть, и что его внешность не имеет значения. Сложно обсуждать эту тему в письмах. Но я думаю, что попробую слегка его подтолкнуть.

– Хорошо. Мне определенно любопытно познакомиться с мужчиной, вызвавшим у вас интерес.

– У нас с вами, Док. Забавно, что мы могли бы это сделать. На дне посылки я нашла квитанцию с адресом, по которому Грифу доставили подарок для меня. Вероятно, он работает в этой компании. Мы с вами могли бы появиться там, и он даже ничего не узнал бы. К тому же внешне я сильно изменилась за последние десять лет. Очень жаль, что он не живет поближе, а то я бы уже съездила туда, потому что сгораю от любопытства.

Прогулявшись по кварталу, мы вернулись к входной двери зоомагазина. На парковке стояло несколько машин, но не так много, как в наш прошлый приезд сюда.

Док посмотрел на меня.

– Думайте о том, что сегодня делаете еще один шаг к тому, чтобы увидеть Гриффина. Кто знает, сегодня мы посещаем зоомагазин… а в следующем месяце вы могли бы сесть на самолет и полететь в Калифорнию.

Если бы только все было так просто! Сделав глубокий вдох, я оттянула ворот майки. Только от одного вида двери мне стало жарко, и я почувствовала себя в замкнутом пространстве.

– Давайте покончим с этим.

* * *

– Вы отлично справились сегодня, Лука, – сказал Док, когда я въезжала на подъездную дорожку к своему дому. Он нагнулся и взял с пола машины пакет из зоомагазина.

– Думаю, отлично – это с натяжкой.

– Вы недооцениваете себя. Вы провели внутри почти десять минут.

– Девять с половиной минут из них я простояла у двери.

– Все нормально. Не имеет значения, насколько далеко вы зашли в глубь здания. Для вас важно то, что вы испытывали панику и справились с ней. Вы могли бы очень легко выбежать через дверь, но вместо этого вы остались стоять на месте и выдержали. Это прогресс.

Вероятно, Доку казалось, что в этот день я продвинулась вперед, но я просто чувствовала себя опустошенной. Какая разница, как Гриф выглядит? У меня же нет никакой возможности когда-нибудь полететь на самолете.

Я вымученно улыбнулась.

– Спасибо, Док. Я ценю то, что вы попытались сделать сегодня.

– Прогресс требует времени, Лука. Не расстраивайтесь. Возможно, вы не там, где хотели бы быть, но также не там, где были вчера. Каждый день вы делаете один маленький шажок. Просто смотрите вперед и шагайте, и я обещаю вам, что однажды вы обернетесь назад и удивитесь, как далеко увели вас эти крохотные шаги.

– Хотела бы я знать, сколько маленьких шажков отсюда до Калифорнии, – пошутила я. – Во всяком случае, мне не придется беспокоиться о том, как Гриф выглядит, потому что в любом случае к тому времени, когда я доберусь туда, катаракта не позволит мне его разглядеть.

Доводы Дока не сработали и не слишком ободрили меня. Я устала стремиться к тому, что делают нормальные люди, и была разочарована своей неспособностью победить страх. Той ночью я не стала отвечать Грифу, не желая, чтобы он догадался, в какую ярость привело меня мое скверное настроение. Я также не могла заснуть. Я часами крутилась и вертелась до тех пор, пока, наконец, не встала с кровати и не приняла снотворное – сделала то, что не любила делать слишком часто. От таблеток я просто вырубилась.

Ничего удивительного не было в том, что я проспала весь следующий день. Я проснулась от громкого звука сирены – не автомобильной, скорее, похожей на сигнал поезда или тягача с прицепом. В первый раз, услышав ее, я натянула одеяло на голову и попыталась не обращать внимания. Но после третьего раза Гортензия начала ворчать как ненормальная, поэтому я встала с кровати, чтобы посмотреть, что происходит.

Какого черта?

Потирая глаза, я подняла жалюзи выходящего на улицу окна, чтобы рассмотреть получше. Я была совершенно уверена, что глаза меня не обманывают. Перед моим домом припарковался гигантский кемпер с деревянной облицовкой, похожий на те, что ездили в семидесятых годах прошлого века. Увидев меня, водитель опустил стекло.

О боже, я просто в ужасе!

Это был Док. Наполовину высунувшись из окна машины, он стал энергично размахивать мне, будто я могла его не заметить.

– Посмотри, что есть у моей сестры Луизы! Бьюсь об заклад, по пути мы сможем увидеть кучу птиц!

Открыв входную дверь, я прикрыла ладонью глаза от слепящего солнца.

– По пути куда? Невозможно представить себе, чтобы я села в эту хреновину с Доком за рулем.

– В Калифорнию, глупышка!

Глава 8

Гриффин

Ни черта себе. Я не мог оторвать от нее глаз.

Пару часов назад Джулиан прислал фотографии Луки, и с тех пор я не сдвинулся с места. Она была намного красивее, чем я воображал. Если честно, учитывая ее странности, я почти ожидал, что она чуть лучше обыкновенной девушки. Окажись она обыкновенной, я отреагировал бы совершенно нормально, потому что, если оставить в покое внешность, химия, возникшая между нами, так или иначе, выходила за рамки обычного. Но что теперь? Теперь, увидев настоящую Луку, я нокаутирован? Это подлило еще больше масла в огонь, и я сомневался, что когда-либо смогу погасить его.

У нее были те же длинные каштановые волосы, которые я помнил по фотографии, присланной мне много лет тому назад. Ее огромные зеленые глаза сияли, как прекрасные небесные светила, позволяя заглянуть ей в душу. Мне часами хотелось смотреть на них.

Вот это да.

Она выглядела улучшенной версией… Как назывались эти куклы… Те, что просила больная девочка в больнице? Я послал ей дюжину. Куклы Блайз[8 - Куклы Блайз – коллекционные куклы с огромными глазами и задумчивым выражением лица.]! Точно. Со своими чудесными глазами Лука походила на ожившую куклу Блайз.

Теперь, когда я увидел ее, мое чувство вины выросло в десять раз. И это не все, Джулиан щелкнул ее в почтовом отделении в тот самый момент, когда она получала мой подарок. Когда она открыла коробку с Фёрби, на ее лице отразился такой восторг, что я не скоро смог бы забыть его. О красавица. Как приятно видеть, как ты улыбаешься, видеть, что ты счастлива.

Джулиан также прислал из Вермонта несколько снимков вместе с письменным отчетом о первых результатах своего расследования.

Привет из Монпелье!

Прилагаю все фотографии, сделанные мной после приезда сюда.

Это все, что мне пока удалось узнать. Как видишь, твоя подруга довольно красива, и это хорошая новость. Остальное, если ты меня спросишь, выглядит чертовски странно, поэтому я повременю с отъездом.

Прежде всего, она водит свинью на поводке. Да, так и есть, СВИНЬЮ. Чертова свинья. Не знаю, что все это значит. Кроме того, что она время от времени выгуливает ее, создается впечатление, что она выходит из дома только для того, чтобы съездить на почту и вернуться обратно. Поэтому мне довольно легко следить за ней.

Еще одна странность. Есть один старикан, он однажды заезжал за ней, и они уехали вместе. Я проследил за ними до зоомагазина и обратно. Это все. Не уверен, дедушка ли он ей или покровитель, либо кто-то еще. Я думаю, что он чересчур любопытен, потому что видел, как на улице у ее дома он смотрел в бинокль.

Настоящий извращенец. Странная фигня, приятель. Если хочешь, чтобы я получше присмотрелся к нему, сообщи мне.

История приобретает еще более странный характер. На следующий день тот же мужик подъехал к ее дому в старом фургоне. Она забралась туда, оставалась там несколько минут, а потом снова убежала в дом. Понятия не имею, что все это значит.

Это почти все, что я пока узнал. Я не смог бы связать концы с концами, чтобы понять, какой в этом смысл, даже если бы ты заплатил мне двойную плату или если бы от этого зависела моя жизнь. Не знаю, какая еще информация тебе требуется.

Как бы то ни было, в довершение всего, вчера вечером в здешнем баре я нашел себе подружку. Ее зовут Ванесса. Я подумываю о том, чтобы немного задержаться в городе, если ты хочешь, чтобы я продолжил работу. Старикан явно что-то задумал. Я просто уверен в этом.

Жду ответа!

Джулиан

Каким бы странным ни показался Джулиану образ жизни Луки, я все понял. Я знал, что пу?гало – эксцентричный психотерапевт, с которым она часто осмеливалась выйти на улицу, потому что она упоминала его в своем первом письме. И, разумеется, я уже знал о Гортензии. Поэтому, каким бы странным ни выглядел образ жизни моей подруги, я абсолютно не встревожился.

Я ответил Джулиану, чтобы он оставался там до тех пор, пока я не сообщу ему своего решения. Я не думал, что он найдет еще что-нибудь стоящее, но в данный момент ему явно нечем больше было заняться – если не считать Ванессы, – поэтому я решил ненадолго задержать его там.

* * *

– Мистер Арчер?

Черт. Видимо, шапка и солнцезащитные очки отнюдь не помогли мне замаскироваться, когда я попытался незамеченным войти в почтовое отделение.

– Да.

– Не могли бы вы дать мне автограф?

– Конечно, – сказал я, быстро накорябав свою подпись на каком-то конверте, который девушка держала в руках.

– Я – ваша большая поклонница, – пропищала она. – Вы не представляете! «Лука» – моя самая любимая песня.

Х-м. Она мне напомнила кое о чем.

– Спасибо, – сказал я, прежде чем рвануть от нее.

Это было еще одно, с чем мне приходилось считаться. Как мне объяснить Луке, что написал в ее честь свою самую успешную песню – больше похожую на бред сивой кобылы – однажды ночью, когда был пьян и зол на весь свет? Кто же знал, что она, с первого же дня после исполнения, станет одним из самых популярных шлягеров? Безусловно, я, сочиняя ее, вообще не думал, что мы с Лукой возобновим нашу переписку.

Я вздохнул, полагая, что сейчас эта песня была наименьшей из моих проблем.

Натянув на голову капюшон, я ускорил шаг, так чтобы меня больше никто не узнал. В конце концов, я держал в руках письмо Луки, и мне не терпелось поскорее вернуться в машину.

Разорвав конверт, я жадно принялся читать.

Дорогой Гриффин!

Формально я использовала трех Фёрби. Хорошо, что ты купил так много, даже если тебе для этого пришлось пожертвовать своим аккаунтом на eBay. Прости меня за это, но я почему-то громко рассмеялась, когда ты написал, что его заблокировали. Серьезно, спасибо за такой удивительный подарок. Думаю, что много лет не улыбалась и не смеялась так, как в тот момент, когда открыла его. И, да, я на полном серьезе говорю о том, что уже использовала три из них. (Ой!) Кстати, я каждую секунду думала о тебе.;) Я подумывала послать тебе видео, чтобы доказать, как я оценила твой подарок, но решила, что, возможно, взбешу тебя. Хотел бы ты получить нечто подобное от меня? Видео? Для этого нам, конечно, пришлось бы обменяться телефонными номерами и адресами электронной почты. Что также могло бы привести – АХ – к телефонному разговору. А телефонный разговор мог бы привести – АХ – к встрече. А встреча могла бы привести к… ну, ты сам знаешь. Я понимаю, ты говорил, что нам сейчас не стоит спешить и что для тебя важно соблюдение тайны. Не пойми меня превратно, МНЕ НРАВИТСЯ, что у нас такие отношения. Но я не знаю… разве ты не хочешь большего?

Я на минуту оторвался от письма.

Черт.

Дерьмо.

Черт.

Я почувствовал страх. Не стоит и говорить о том, что мой член немедленно затвердел, как каменный. Странное сочетание. Я понимал, чем все кончится, и очень смутился. Глубоко вздохнув, я продолжил чтение.

Прости, что зачеркиваю строчку, не дописав до конца. Но в последнее время на меня это сильно давит. Мне действительно хотелось бы, чтобы наше общение не ограничивалось письмами. Я схожу от тебя с ума. Вот, я сказала это. Ты волен сделать вид, будто я этого не говорила. Если ты промолчишь, я приму это как намек на то, что не стоит больше заводить разговор обо всем этом. (Хм, кто теперь устанавливает камеры наблюдения?)

Ладно, теперь, когда я облегчила душу, я отвечу на твои вопросы. Ты хотел знать, визжу я или стенаю. На самом деле, то и другое, но чаще всего я доставляю себе удовольствие, потому что именно тогда мне приятнее всего, и не тревожусь о том, что думают другие. Кроме того, я живу в очень уединенном месте, так что никто, кроме Гортензии, моего визга не услышит. Это оправданно, если ты хочешь уединения, но не совсем удобно, если тебя могут зарубить топором или если на тебя нападет медведь гризли.

В ответ на твой второй вопрос скажу, что я никогда не делала этого в публичном месте, но, думаю, если бы я это сделала, то, возможно, в Калифорнии.;) Кстати, я вставила в это письмо второй смайлик и начинаю немного паниковать. Больше никаких смайликов.

Пожалуйста, скажи, что я не испугала тебя своим намеком на видео.

Лука,

Твоя любимая подруга по переписке

P.S. Ты предпочитаешь бритый лобок, взлетную дорожку или мохнатый ковер? Спроси у подруги.

P.P.S. Возможно, эту подругу зовут Лука.

Я снова глубоко вздохнул, откинувшись на сиденье. Черт. Что теперь?

То, что я установил слежку за ней, с моей стороны было чертовски нечестным. Казалось, я не смог бы жить, не увидев ее, и, однако, даже не предоставил ей такой же возможности по отношению ко мне. То, что я совершил, смахивало на воровство.

Я должен сказать ей правду.

Но, когда она узнает, кто я, это разрушит все, что между нами возникло. Я полюбил ее за письма, за ее беспристрастность. Лука стала буквально единственным человеком на свете, который действительно знал меня таким, как

есть. Мысль о том, что это когда-либо изменится… ну, я не мог себе этого представить. В то же время теперь, когда я увидел ее, больше всего мне хотелось вдохнуть ее запах, попробовать ее на вкус, быть с ней во плоти. Хотя между нами никогда не было физической близости, теперь ее образ просто не выходил у меня из головы. Лука, Лука, Лука. Что мне с тобой делать? Похоже, мне нужно время, чтобы все продумать.

* * *

Однажды днем, вернувшись из студии, я собрался с силами и в конечном счете попытался выиграть немного времени.

Дорогая Лука!

Если это письмо придет чуть позже, чем другие… то оттого, что я несколько дней, запершись в своей комнате, дрочил при мысли о том маленьком видео, которое ты хотела бы прислать мне. В результате чего напрашивается вопрос: ты пытаешься убить меня? Знаешь, есть другие способы убивать людей, кроме топоров и медведей гризли. Предложить подобное, когда я даже не могу прикоснуться к тебе – один из них. Совершенно уверен, что речь идет о преступлении в форме пытки. Я рад, что ты нашла достойное применение для Фёрби, даже если три из них в процессе были принесены в жертву. Они явно не рассчитаны на долгосрочное употребление.

Я определенно хожу вокруг да около, не так ли?

Ладно.

Приступим.

Думаю, что то, на чем, наряду с другим, строились наши отношения, была слепая вера. Ты согласна? Ты слепо доверяешь мне? Я честно могу сказать, что слепо доверяю тебе. Не думаю, что мог бы сказать это о ком-либо из живущих на Земле. Итак, с учетом сказанного, я прошу тебя об услуге. Мне нужно, чтобы ты верила мне, когда я говорю, что самое лучшее для нас в данный момент – это

оставить все, как прежде. Я отношусь к тебе по-особому, Лука. И хочу быть мужчиной, который подойдет тебе. Мне грустно признаться в том, что в настоящее время это не так. Иногда, когда следуешь за своей мечтой, понимаешь, что за нее нужно платить, и цена намного выше, чем ты ожидал.

Но я пытаюсь представить себе, как все рано или поздно изменится. Мне отчаянно хочется встретиться с тобой и столько всего совершить вместе с тобой (и для тебя). Когда наступит подходящий момент для следующего шага, обещаю, что сообщу тебе. И надеюсь, все это будет иметь смысл.

Ты можешь сделать это для меня? Можешь слепо довериться мне? Не отвечай сейчас, подумай не спеша. Подумай обо МНЕ и спроси себя, веришь ли ты на самом деле в то, что я когда-нибудь нарочно обижу или обману тебя.

Что касается другого неотложного дела, в частности, твоей промежности и моих предпочтений по этому поводу. Поверь, когда я говорю тебе, что приму тебя, какой бы ты ни отдалась мне, безволосой или еще более мохнатой, чем вышеупомянутый медведь гризли. Я буду наслаждаться каждой секундой, когда прикоснусь к тебе, и доставлю тебе самый лучший оргазм в твоей жизни, лучше, чем это получалось с Фёрби. Я мечтаю об этом каждый день, Лука.

До скорого, приятель,

Гриф

P.S. Ты предпочитаешь кавалера или круглоголового? (необрезанного или нет). Спроси об этом друга.

P.P.S. Возможно, этого друга зовут Ми-Ми.

Глава 9

Лука

Док серьезно съехал с катушек. Он припарковал фургон у своего дома и, по существу, заявил мне, что готов поехать в любое время, когда я решу воспользоваться его предложением съездить в Калифорнию.

Он бы тронулся со мной в путь в тот же день, когда подъехал ко мне, если бы я согласилась. Я сказала ему, что мне нужно подумать некоторое время.

В глубине души мне хотелось поддержать его безумную идею, но, на самом деле, такая поездка означала бы, что мне, возможно, придется лицом к лицу столкнуться с тем, чего я не хотела знать. Я уверена: Гриффин что-то скрывал, и это причиняло мне боль. В самом последнем письме он просил меня слепо доверять ему, но как можно доверять тому, кто постоянно дает тебе повод подозревать, что что-то пошло не так? В общем, я боролась с собой, не зная, как поступить, чтобы дело сдвинулось с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

1 миля соответствует 1609 метрам. Здесь и далее – примечания переводчика.

2

Агорафобия – патологическая боязнь публичных мест, толпы, открытых пространств.

3

Гарри Стайлс (р. 1995) – британский певец и актер, получивший известность в составе группы «One Direction».

4

Логизомеханофобия – боязнь компьютеров.

5

Гермофобия – боязнь микробов.

6

5,6 фута соответствует 170,7 см.

7

125 фунтов соответствует 56,6 кг.

8

Куклы Блайз – коллекционные куклы с огромными глазами и задумчивым выражением лица.

Купить: https://tellnovel.com/kiland_penelopa/frivol-nye-pis-ma

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити